

Александр Гордин

ЯВЬ

Хроники рунного времени

ТОМ I. ПРОБУЖДЕНИЕ РУНЫ

18+

Александр Гордин

**ЯВЬ. Том 1. Хроники
рунного времени**

«Автор»

2026

Гордин А.

ЯВЪ. Том 1. Хроники рунного времени / А. Гордин — «Автор», 2026

Магия времени пробудилась. Древний бог охотится за ней. Вернуть её из тьмы способен лишь тот, кого она любит с детства. Настя — студентка истфака на раскопках под Муромом. В ночь на Ивана Купалу на её запястье вспыхивает руна — знак пробуждения силы. Перед ней открывается магическая Академия, где учат управлять временем и противостоять Мороку — богу лжи, питающемуся страхом и обманом, пока человек не сгинет в Нави. Её мать — один из сильнейших магов — ушла в прошлое десять лет назад и не вернулась. Чтобы найти след, Насте придётся довериться тем, кто её знал. Но в Академии правда стоит жизни — и кто-то уже заплатил самую высокую цену. Даниил, загадочный наставник с опасным интересом к тёмной магии, знает больше, чем говорит. Артём, друг с детства и тот, кого она любит больше жизни, под ударом Морока. Граница между светом и тьмой тоньше, чем кажется — и выбор тех, кому она доверяет, изменит всё. Первый том саги о магии времени и силе чувств. Далее — путешествие сквозь века.

© Гордин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пролог: Иные времена	5
Глава 2. Десять лет спустя	10
Глава 3. Первый след	16
Глава 4. Наблюдатель	23
Глава 5. Ночь Купалы	30
Глава 6. Камень не хочет уйти	34
Глава 7. Руна времени и её цена	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Гордин

ЯВЪ. Том 1. Хроники рунного времени

Глава 1. Пролог: Иные времена

Муромский лес, десять лет назад, день Ивана Купала

Туман пришёл раньше, чем должен был.

Он выползал из речки внизу, под склоном, и поднимался к поляне, где стоял каменный круг громадных валунов, медленно накатывая, как дыхание огромного зверя. Он был странным — не белым, как речной туман, а тёмно-серым. Сначала тонкая дымка легла на траву у берега, потом поднялась выше, закрывая корни старых ив. Вечернее солнце ещё держалось над лесом, но его свет уже казался мутным, словно проходил через грязное стекло.

Женщина внутри каменного круга не заметила этого сразу. Она смотрела на приборы.

— Странно... — тихо сказала она, вглядываясь в экран осциллографа.

Линия сигнала дрожала. Не как при обычных помехах — а сбивчиво, неровно, словно кто-то невидимый выводил пальцем сложный узор на воде. Женщина провела ладонью по ближайшему камню, покрытому лишайником и трещинами. Высокий, выше человеческого роста валун был прохладным, шершавым от лишайника, но там, где выветрившийся знак почти стёрся от времени, ей почудился едва заметный отклик.

Она отдёрнула руку.

— Не может быть... амплитуда вышла за шкалу, это же сильнейший резонанс, — прошептала она, снова посмотрев на осциллограф.

График взлетел. Колебания нарастали так быстро, будто рядом включили мощнейший генератор. Именно этого она и ждала — но не вот так. Не сразу. Не при дочери.

В десяти шагах от круга, у самой кромки травы сидела девочка лет восьми. Она рисовала палкой круги в сырой земле и иногда поглядывала на мать.

— Мам, мы скоро домой?

Женщина не ответила. Она смотрела на экран, где значения уже вышли за все разумные пределы. Невозможно. Она знала эти показатели. И понимала, что расчёты оказались верны.

Это пугало больше всего.

— Настя, — голос матери дрогнул, — стой там, где стоишь. И смотри. Запоминай.

Девочка послушно замерла, но в её глазах уже появился испуг. Она не понимала, что происходит, но чувствовала — что-то не так. Мать никогда не говорила таким голосом.

Женщина достала из металлического кейса тонкий шуп и с решимостью шагнула в центр каменного круга, где была пустота — утоптанная земля без травы. Туман вокруг ног сгущался, становясь почти осязаемым, пытаясь заглянуть людям прямо в душу. Она обошла крайние камни и замерла.

Внезапно — там, где минуту назад взгляд скользил по пустому месту в самом центре, — темнел громадный камень. Будто он не возник из ниоткуда, а проявился сквозь воздух — как скрытый рисунок, который внезапно становится виден под правильным углом. Тёмный, гладко обработанный, с плоской вершиной — как алтарь. На его поверхности, даже сквозь лишайник, угадывались знаки. По бокам угадывались руны. А в центре, крупно — стрела, пронзающая круг — смотрела точно в брешь между двумя самыми высокими камнями, к реке, туда, где воздух начинал дрожать особенно сильно.

Женщина могла поклясться: ещё минуту назад этого камня здесь не было. Он стал видимым как раз тогда, когда туман сгустился, а приборы зашкалило — словно до этого находился в том же месте, но в ином, недоступном взгляду слое реальности или времени.

Будто ждал именно её.

И она решилась — коснулась щупом этого камня. Осциллограф зазвенел непрерывным сигналом. Туман дрогнул — его словно бросило от центра. Он начал стремительно расходиться, закручиваясь широкой спиралью, как гигантская галактика, растекаясь к периметру каменного круга и обнажая пустоту между двумя самыми большими валунами.

Настя моргнула.

На мгновение ей показалось, что вокруг матери стоят высокие фигуры — с глазами, горящими зеленоватым светом, в длинных одеждах, словно сотканые из тумана. Они смотрели не на мать — на неё, на девочку. И в их взглядах не было зла. Только древнее, тяжёлое ожидание.

Но в следующую секунду они исчезли.

— Мам...

Женщина не ответила. Она смотрела в разрыв стены из валунов, на который указывала стрела на алтарном камне.

Между двумя громадными камнями тумана давно уже не было, а воздух начал меняться. Сначала едва заметно — как марево над раскалённой землёй. Потом сильнее. И вдруг пространство между валунами дрогнуло — не как от жары, а глубже, словно сама реальность на мгновение сдвинулась. Воздух между камнями уплотнился — стал почти осязаемым, как поверхность воды. А потом сквозь него начал проступать свет — не луч, не отблеск, а иное освещение, чужое этому вечеру. И сквозь него угадывалось что-то ещё — неясное, но живое.

Женщина нахмурилась. Это было не совсем то, что она ожидала. Не видение. Не мираж. Слишком по-настоящему... Свечение не затухало — оно усиливалось. Становилось чище, ещё ярче. Как будто все пазлы того явления, которые она исследовала долгие годы, вдруг сложились в правильную картину мира, и начали работать так, как и должны.

— Не может быть... — тихо сказала она.

И всё же она протянула руку — проверить.

Оставшийся туман внутри круга стал густым, почти чёрным, и в нём двигались тени. Не просто тени — фигуры.

Настя почувствовала, как холод пробежал по спине. Пальцы матери разжались, щуп выпал из рук, но она не заметила этого.

— Мам... там кто-то есть.

Женщина кивнула, не оборачиваясь. Её голос звучал странно спокойно — так говорят, когда выбор сделан.

— Я знаю. Оставайся там, где стоишь. Просто смотри и запоминай.

Она протянула руку к светящемуся проёму.

Воздух вокруг её пальцев потемнел, стал вязким, как вода. Она почти коснулась его — и в этот момент прибор заверещал, график сорвался в хаотичные линии. Женщина замерла.

— Нет... подожди...

Оставшийся по периметру круга туман рванулся к этому проходу между валунами — словно портал втягивал в себя всё, что было рядом, как огромные лёгкие на вдохе. Камни вокруг тихо затрещали, и Настя испуганно шагнула назад.

— Мам!

Женщина наконец обернулась. В её глазах была странная смесь страха и восторга — и что-то ещё, что Настя не могла понять. Прощание.

— Настя... слушай меня внимательно.

Её взгляд на мгновение метнулся к амулету — и впервые за всё время в нём мелькнул страх. Не перед тем, что она обнаружила. Перед тем, что это может коснуться дочери — её надо защитить.

Она быстро подошла к Насте, опустилась на колени, резко сняла амулет с шеи — почти сдёрав. Камень был не просто тёплым, он пульсировал, словно пытаясь удержать ускользаю-

щее тепло материнского тела, и в нём горела янтарная искра, которую раньше Настя никогда не замечала. Девочка почувствовала это сразу, как только мать вложила амулет в её ладонь.

— Возьми, надень. И никогда не снимай.

— Почему? — дочка сжала камень, и тепло разлилось по руке, поднимаясь выше, к сердцу.

Туман за спиной матери сгущался. Портал за ним светился ярче. Фигуры внутри тумана стали отчётливее. Кто-то протягивал руки. Женщина посмотрела на них, потом на портал — и вдруг поняла. Она открыла не просто окно, через которое можно заглянуть в другие миры, в иные времена. Она открыла самую настоящую дверь, и эта дверь звала шагнуть.

— Если я не вернусь... — тихо сказала она, и в её голосе не было страха, только усталость и странная, почти болезненная ясность. — Значит, я ошибалась... не в этом. И дело вовсе не в расчётах. Я должна понять, что именно здесь открылось. И куда это ведёт. Иначе всё, ради чего я жила эти годы, — теряет смысл.

Настя схватила её за руку, вцепилась так сильно, что побелели костяшки.

— Мам, не надо!

Осциллограф издал последний высокий звук и замолк. Портал расширился. А туман уже вернулся внутрь каменного круга, пытаясь схватить женщину за одежду, за ноги, словно изучая её и не пуская к порталу.

Мать мягко, но твёрдо высвободила руку.

— Помни, Настя. — Она улыбнулась — странно спокойно, почти счастливо. — Любовь — это самый сильный якорь в полотне времени, который не даст тебе потеряться. Любовь держит мир. А страсть, страх и ложь лишь разрушают его.

Она развернулась. Секунду — лишнюю, опасную — стояла неподвижно, разглядывая портал. А потом шагнула в него.

Туман мгновенно заполнил все пространство внутри круга. Настя закричала — но звук утонул в густой серо-чёрной мгле, не долетев даже до края поляны. Она бросилась следом, но портал схлопнулся прямо перед ней — она упала на колени, пролетев вперед и ударившись о землю, всё ещё сжимая в руке тёплый камень.

А потом всё исчезло.

Туман рассеялся за секунду, словно его сдули. Громадные валуны в круге снова стояли неподвижно и молчали, и только тонкие трещины на их поверхности казались чуть глубже, чем прежде. Алтарного камня в центре больше не было — будто его и не существовало никогда. На траве остался раскрытый кейс с эмблемой МГУ. И осциллограф, на экране которого линия медленно возвращалась к нулю.

Настя сидела на земле, не чувствуя ни холода, ни слёз, которые текли по щекам. Она сжимала амулет так сильно, что камень врезался в ладонь. И ждала.

Ждала, что мать вернётся.

Не вернулась.

* * * * *

Первые часы Настя плакала так громко, что сорвала голос. Потом в ночи её нашли соседи. Вместе с ними на поляну прибежала бабушка — растрёпанная, бледная, в наспех наброшенном платке. Потом приехали взрослые, которых она раньше видела только на праздниках: участковый, председатель, какие-то люди из города.

Они ходили вокруг каменного круга, что-то мерили, записывали, спорили. Один из них долго разглядывал приборы в металлическом кейсе.

Настю расспрашивали много раз.

— Куда пошла мама?

— Что ты видела?

— Она говорила что-нибудь?

Настя пыталась объяснить. Про туман странного цвета. Про свет между камнями. Про странное зеркало как из воды с рябью. Про непонятных людей внутри круга.

Взрослые переглядывались и говорили тихо:

— Шок.

— Девочка испугалась.

— Нужно время.

Через несколько дней поиски прекратились.

Речка текла так же спокойно, как и раньше. Камни стояли на месте, не было только того самого, что находился в центре круга. И тишина на поляне теперь стала мёртвой — так молчит место, которое отдало всё, что могло. Иногда по вечерам Насте казалось, что оттуда снова поднимается туман — но взрослые говорили, это обычная речная сырость.

Она не верила. Но научилась молчать.

Лето после того дня будто остановилось. Это было последнее лето детства.

* * * * *

До конца августа её оставили у бабушки. Дом стоял на краю деревни, почти у самого леса. Старый, с покосившимся крыльцом и яблонями, которые росли так густо, что в их тени всегда пахло прохладой и зелёными листьями.

Именно в то лето Настя познакомилась с Артёмом.

Он жил на другой стороне деревни — худой, долговязый мальчишка на год старше, с вечно поцарапанными коленями и светлыми волосами, которые постоянно падали на глаза. В первый раз он подошёл к ней, когда она сидела на берегу речки. Той самой.

Она бросала в воду камешки и считала круги.

— Ты тут недавно, я тебя раньше не встречал? — спросил он.

Настя кивнула, не оборачиваясь.

— Я здесь у бабушки, хотя не гостила у неё уже много лет.

Он сел рядом, не спрашивая разрешения. Некоторое время они молчали. Потом он сказал:

— Там дальше, в лесу, есть старые громадные камни.

Настя замерла.

— Я знаю.

— Правда? — удивился он. — Мне бабка говорила, туда лучше не ходить. Мол, место плохое. И люди там пропадают.

Настя долго смотрела на воду.

— Там не это страшно.

Артём пожал плечами, легко, по-детски, не придавая значения ни камням, ни её странной серьёзности.

— Ну, всё равно там хоть и красиво, но скучно. Пойдём лучше на плотину. Там можно купаться и прыгать в воду с высоты — я тебя научу.

С того дня они почти не расставались.

Строили шалаш в овраге, ловили головастика в тёплой заводии, катались на старом велосипеде Артёма по пыльной дороге, которая вела к полям. Иногда лежали на траве и смотрели на облака.

С Артёмом было легко. Он не задавал вопросов о том дне. Не смотрел на неё с жалостью. И поэтому она впервые смогла дышать спокойно. Он просто был рядом.

Но однажды вечером они всё-таки пошли к кругу из каменных валунов.

Солнце уже садилось, лес становился тихим и прохладным. Настя шла медленно, чувствуя, как с каждым шагом внутри нарастает напряжение. Когда они вышли на поляну, сердце забилось быстрее.

Камни стояли на месте. Такие же тёмные. Такие же старые. Такие же громадные. И никакого тумана. Только трава колыбалась от ветра.

— Видишь? — сказал Артём. — Ничего особенного. Хотя стоят красиво.

Он подошёл ближе и пнул один из камней носком кроссовка.

Настя невольно сжала амулет. Камень был тёплым. Всегда. Даже вечером.

Она подняла глаза. На секунду ей показалось, что воздух между двумя самыми большими валунами дрогнул. Совсем чуть-чуть. Как будто там снова появилось едва заметное мерцание — то самое, что было в тот самый день. Амулет на груди рванулся вниз, будто кто-то дёрнул его невидимой рукой, — и тут же замер. Но через мгновение всё стало обычным.

— Пойдём отсюда, — испуганно сказала она.

— Почему?

— Просто пойдём.

Артём посмотрел на неё и кивнул. Они ушли с поляны, не оглядываясь.

А ночью над рекой снова поднялся туман.

И сквозь сон Настя слышала, как кто-то зовёт её по имени — тихо, настойчиво, будто стоит совсем рядом.

Она проснулась перед рассветом.

Дом ещё спал. Сквозь занавески в комнату медленно пробирался серый утренний свет. Где-то во дворе скрипнула калитка, и бабушкин петух лениво закукарекал — раньше обычного.

Настя лежала неподвижно.

Её ладонь сжимала амулет на груди. Камень снова был тёплым — она уже привыкла к этому. Но сейчас всё было иначе.

Камень пульсировал.

Едва заметно. Как слабое биение сердца.

Настя приподнялась на локте и посмотрела на него внимательнее. На тёмной поверхности проступали тонкие линии — знак, которого раньше не было: одна линия пересекалась с другой под острым углом — как стрела, упирающаяся в преграду. Настя провела по знаку пальцем.

Амулет едва заметно дрогнул у неё в ладони.

И в ту же секунду ей показалось, что она снова стоит на той поляне. Круг камней. Туман. Чуть приоткрывшийся портал между ними.

Но где-то далеко хлопнула дверь.

Настя вздрогнула и открыла глаза. Комната была прежней. Старый шкаф. Стол у окна. Потёртый ковёр на полу. Только амулет в её руке продолжал тихо пульсировать.

Она ещё не знала, что через десять лет снова увидит похожий знак. Не на амулете — на алтарном камне, который поднимут из земли во время археологической практики студентов истфака МГУ.

Не знала, что с каждым годом ей будет всё труднее объяснить — даже себе — что именно она видела в тот вечер. Не потому, что забудет. А потому что на границе Яви и Нави есть сила, которая делает прожитое похожим на сказку, стирая грань между правдой и ложью.

И что туман вернётся.

Там, где истончается грань с Навью, шевельнулась тьма. Не человек и не зверь — древняя сила, привыкшая дышать чужими страхами и несказанной ложью.

Она помнила девочку, которая держала в ладони тёплый камень, — не по имени, а по вкусу её дрожащего выбора.

Туман и его хозяин не забыли её.

Они ждали.

Глава 2. Десять лет спустя

Утро в археологическом лагере пахло так, как пахнет только в июле под Муромом: сырой землёй, грибами, сосновой смолой, гречневой кашей из полевой кухни и — почему-то — машинным маслом. Настя высунула нос из спальника и поняла, что проспала.

— Твою ж дивизию! — она кубарем выкатилась из палатки, на ходу натягивая рабочие штаны.

Лагерь уже гудел. От костра тянуло дымом, тётя-повариха неопределённого возраста гремела котлом, а в сторону раскопок уже потянулись первые фигуры. Солнце только поднялось над лесом, но воздух был влажным и прохладным — ночью прошёл небольшой дождик.

Настя замерла, машинально приглаживая спутанные волосы.

Потому что это место она узнала. Сразу. Лагерь разбили на том самом берегу, где десять лет назад исчезла мать. Вон тот овраг, поросший папоротником. Вон та безымянная речка, которая сейчас почти пересохла, но тогда журчала на всю округу.

А дальше, за небольшим лесом и раскопчным шатром, у опушки — та самая поляна. Каменный круг, который деревенские называли муромским Стоунхенджем и старались обходить стороной. Только камней теперь не было. Исчезли — так же необъяснимо, как и мама.

У Насти похолодело внутри.

Она знала, что практика будет здесь. Сама выбрала этот объект, когда увидела в списке на практику. Но думала, что справится, что десять лет — достаточный срок, чтобы воспоминания притупились. Она ошибалась.

Пальцы сами нащупали под футболкой амулет. Камень был чуть теплее её тела. Всегда.

— Настя! — окликнули из-за спины. — Завтрак стынет!

Она обернулась. Катя, её соседка по палатке, махала рукой от стола.

Настя выдохнула, тряхнула головой и пошла к остальным. Работа есть работа.

Завтрак в лагере всегда был событием. Но сегодня событие превратилось в цирк из-за количества гостей.

Студенты истфака МГУ, хозяева раскопок, держались своей кучкой. Настя за столом насчитала семерых своих — сонных, чумазных, в казённых робах. Они молча ели кашу и косились на чужаков.

Чужаков было два отряда.

Первый — трое из МАИ. Лена и Сергей, двое из них, то и дело переглядывались с той особой теплотой, какая бывает у влюблённых, которые уже перестали стесняться своих чувств. Третий, оставшийся без пары, возился с раскладным квадрокоптером и украдкой поглядывал в сторону Насти. Она сделала вид, что не замечает.

— Топографическая съёмка с дрона, — шепнула подошедшая Катя. — Студент МАИ, четвёртый курс. Но, кажется, вовсе не я, а именно ты его заинтересовала.

— Катя, — простионала Настя. — Отстань. Если хочешь — забирай себе.

Она снова украдкой посмотрела на того, кто возился с дроном. Высокий, живой, с быстрыми, уверенными движениями. Не красавец, но из тех, кто сразу привлекает внимание. А во взгляде — смесь любопытства и плохо скрываемого интереса.

Катя пожалала плечами. Настя вздохнула — новые любовные горизонты ей были не нужны. У неё и со старыми было не очень. Артём обещал приехать через день или даже два, и она ловила себя на том, что уже считает часы.

Вторая группа выглядела специфично. Четверо из МИРЭА — два парня и две девушки, уткнувшись в ноутбуки, уже спорили о каких-то алгоритмах. Настя окрестила их про себя «математическим десантом».

— Боже, — шепнула Катя. — Они же тут всё по формулам разложат. Скоро начнут вероятность дождя вычислять.

— А что? — серьёзно ответила Настя. — Может, хоть дождь точно предскажут.

* * * * *

После завтрака Настя подошла к профессору Львову — пожилому, седому, с вечно уставшими глазами руководителю экспедиции.

— Иван Петрович, — спросила она тихо, когда они отошли в сторону. — Почему именно это место? Я смотрела отчёты — тут уже всё перекопали вдоль и поперёк в восьмидесятых.

Профессор посмотрел на неё долгим взглядом. Потом вздохнул.

— Ты ведь не просто ради практики сюда рвалась, Настя. И я не настолько стар, чтобы этого не заметить. Я знаю твою историю.

Она промолчала.

— Это место... странное, — добавил Львов вполголоса. — В восьмидесятых наши нашли много интересного, но потом раскопки закрыли, финансирование кончилось, когда Союз распался. А год назад пришёл запрос из самого верха — проверить аномалию. Мол, новые методы исследования появились. Может, найдём что-то, что упустили тогда.

— От кого запрос?

— Официально — Академия наук. — Он сделал паузу. — Но я думаю, не только от них.

Настя кивнула, но внутри всё сжалось. Она чувствовала: это не просто раскопки. Это что-то большее.

* * * * *

Тропинка к раскопу начиналась у старой сосны, где кто-то повесил на ветку ржавый котелок. Другой умник пошутил, что это «археологический колокол», и теперь каждый проходящий машинально стучал по нему черенком лопаты. Настя тоже стукнула, и звук глухо разнёсся между стволами.

Дальше дорожка вилась между деревьями, потом резко выходила на открытый склон. С этого места хорошо была видна Ока — широкая, медленная, с мутной водой и длинными песчаными косами. Над ней ещё стоял туман — плотный, белый, он лежал внизу, и казалось, что лес обрывается прямо в облако.

Раскоп был уже разбит: аккуратная сетка квадратов тянулась вдоль склона. Частично он был накрыт большим шатром, чтобы самые перспективные места не размывали дожди. Студенты истфака разбрелись по своим участкам, кто-то уже начал копать.

— Настя, — сказал профессор, заметив её, — если вы будете любоваться пейзажами, к обеду не сдвинетесь ни на сантиметр.

— Уже бегу.

Она спрыгнула в свой квадрат. Земля после дождя была мягкой, и лопата входила легко. Ритмичный скрежет металла о камни смешивался с голосами студентов, где-то вдалеке застрекотал дрон.

Тот парень из МАИ, что остался без пары, то и дело подходил к краю раскопа, делая вид, что проверяет настройки планшета, но на самом деле поглядывая на Настю. Наконец он решился, подошёл к ней и присел на корточки.

— Тяжело? — спросил он.

— Нормально.

— Если устанешь — у нас в лагере есть классный кофе, могу принести. — Он протянул руку. — Илья.

Настя усмехнулась, пожимая его ладонь.

— Настя. Спасибо, Илья. Я учту.

* * * * *

Находка случилась ближе к обеду.

— Есть контакт! — заорал Илья, подбегая к раскопу с планшетом в руках. На экране была видна картинка с дрона. — Там, на поляне у ручья, после ливня что-то вылезло! Смотрите!

Настя вздрогнула. Поляна. Та самая, где они с мамой стояли десять лет назад.

Она взгляделась в экран. Посреди зеленеющей травы виднелся тёмный прямоугольник — явно не дерево, не куст. Что-то массивное, торчащее из суглинка.

— Я пойду, — сказала Настя.

— Я с тобой, — вызвался Илья.

— И мы, — подключились Катя и молчаливый парень с истфака, их однокурсник из соседней палатки.

Тропинка к поляне вилась знакомым маршрутом. Настя узнавала каждую кочку. Вот здесь они с мамой останавливались попить воды. Вот здесь, под старой ивой, было хорошо наблюдать за речкой. Ива до сих пор росла, мощным старым стволом нависая над овражком. А вон там, у старого пня, они с мамой сидели и смотрели на закат.

— Это здесь, — сказала она вслух.

— Что здесь? — не понял Илья.

— Ничего, старые воспоминания. Идём.

Косогор был крутой, скользкий после дождя. Они спускались к более ровной поляне, похожей на террасу, нависающую над ручьём, цепляясь за корни. Илья поддерживал Настю под локоть, и она позволила — просто потому, что ноги действительно скользили.

Камень лежал в земле, наполовину высунувшись наружу. Большой, тёмно-серый, с неровными краями и плоской вершиной. Тот самый, центральный. Настя присела на корточки и провела рукой по влажной поверхности. Пальцы нащупали углубления — не природные, явно искусственные. Амулет на груди потеплел, будто узнал этот камень раньше неё.

— Это руны, — сказала она тихо, но уверенно. — Или что-то похожее.

Они начали откапывать. Настя орудовала лопаткой, Илья руками отгребал суглинок. Катя и молчаливый сосед помогали, но то и дело останавливались, хватаясь за виски.

— Странно, — сказала Катя, бледнея. — Как будто земля качается.

— У меня тоже, — подтвердил сосед. — Насть, а ты как?

Настя прислушалась к себе. Никакого головокружения. Совсем. Только странное тепло в запястье, там, где кожа чуть заметно шершавилась с детства.

— Вроде всё нормально, — ответила она.

Когда камень освободили наполовину, случилось то, чего никто не ждал.

Илья вдруг охнул и осел прямо в грязь.

— Голова... — прошептал он. — Как будто карусель...

Катя и сосед тоже упали на колени. Сосед выругался, Катя зажмурилась.

А Настя смотрела на камень. Он будто пульсировал. Тихо, едва заметно. И на долю секунды одна из вырезанных линий руны показалась ей светлее остальных. Немного золотистой.

Она протянула руку к этим рисункам на камне.

— Не надо! — инстинктивно выкрикнул Илья, но было поздно.

*** **

Тепло ударило сразу — не в пальцы, а глубже, под кожу. Звук вокруг приглух, будто всё накрыли плотным слоем ваты. Мир не исчез. Он остался на месте, но сквозь него начал проступать другой, как через задымлённое стекло, — сперва смутно, потом всё яснее.

Настя по-прежнему стояла у камня, чувствовала под пальцами шершавые линии рун, слышала за спиной дыхание Ильи. И одновременно видела другое.

Поляна. Ровная, утоптанная, серая от золы. Вокруг — громадные валуны, исчезнувшие в её времени. Они стояли плотным кругом. В центре — алтарный камень, тот самый под её

рукой, только чистый. На его вершине — медная чаша. В чаше горел огонь — густой, жёлтый, почти без дыма.

Людей было больше десятка. В холщовых рубахах, с бронзовыми гривнами на цепях, с ножами у поясов. Они шли по кругу медленно, шаг в шаг. С каждым их шагом пламя в чаше чуть меняло форму — словно подстраивалось под ритм.

Из круга выступил старик с распущенными белыми волосами и огромным амулетом в виде золотого солнца на груди. Он подошёл к камню и высыпал в огонь горсть порошка из берестяного кулька.

Пламя резко изменилось: стало синим, затем почти белым. Воздух над чашей дрогнул, как от сильного жара.

Старец с амулетом опустился на колено и поднял ладони к огню. Остальные замерли. Круг остановился.

И тогда Настя поняла: они смотрят не на огонь. На неё.

Старик поднял голову и точно поймал её взгляд. Без удивления. Узнал.

Губы его едва шевельнулись:

— Рано.

Огонь в чаше вытянулся в её сторону.

Камень под ладонью резко обжёг теплом. Настя отдёрнула руку.

Всё исчезло.

*** **

Настя стояла на коленях в грязи, вцепившись руками в амулет. Илья тряс её за плечи:

— Настя! Настя! Ты меня слышишь?!

— Я... — Она моргнула. — Что это было?

Перед глазами всё ещё плавали тёмные пятна. Земля под ногами качнулась, будто она только что сошла с карусели.

Настя попыталась подняться — и поняла, что ноги её плохо слушаются. На секунду она даже не смогла вспомнить, где именно находится.

Лес... Раскопки... Илья...

Мысли возвращались медленно, словно из густой воды.

— Ты отключилась секунды на две, — выдохнул он. — Глаза открыты, но не дышишь. Я испугался.

Катя и сосед сидели рядом, тоже все в грязи, бледные, и молчали.

— Не просто отключилась, — испуганно добавила Катя.

Настя ничего не ответила. Но внутри уже появилось странное, почти жуткое ощущение: это было не просто воздействие камня. Через него с ней соприкоснулось что-то иное.

Катя смотрела на Настю так, будто видела её впервые.

— У тебя глаза... — Катя запнулась. — И рука. Там, где ты держалась за камень. Как будто по коже какая-то искра пробежала... Может, статическим электричеством ударило?

— Чушь какая-то, — резко сказал Илья. Но голос его прозвучал неуверенно.

Настя посмотрела на свои руки. Обычные руки, в грязи, чуть дрожат. Всё нормально.

Она вдруг замерла. Все трое держались за голову. А она — нет. Ей было не просто легче. Совсем иначе. Как будто камень... не давил. А узнавал.

— Не знаю, — ответила она медленно. — Наверное, перегрелась. Солнце. Вы, похоже, тоже...

Илья посмотрел на неё странно. Он явно не поверил. Но промолчал.

*** **

Обратно шли молча. Камень, конечно, оставили — без спецтехники его было точно не вытащить. Профессор Львов, выслушав сбивчивый рассказ, только покачал головой и велел до следующего дня никому к камню не ходить.

Вечер у костра выдался тихим, но гнетущим.

Илья сидел рядом с Настей и молча помешивал угли палкой. Катя перешёптывалась с соседом по палатке. Математики из МИРЭА пытались строить теории, но быстро увязли в спорах.

Лишь Лена с Сергеем вернулись в лагерь только к закату, ничего о находке не зная. Расстрёпанные, с листьями в волосах, они светились изнутри. Лена села рядом с Сергеем, положив голову ему на плечо, и они решили продолжить то, что, видимо, начали в лесу. Сергей гладил её по спине, Лена что-то шептала ему на ухо, потом они целовались — долго, не обращая внимания на костёр и окружающих. Это была не просто нежность, а настоящая, почти острая страсть, от которой воздух вокруг, казалось, твердел.

Настя снова почувствовала укол зависти и одиночества. Ей стало неловко, что она вообще так пристально смотрит, что не может отвести взгляд. Внутри всё смешалось: чужая близость, собственная тоска по Артёму, тревога после дневного видения, липкая усталость, которая не отпускала с тех пор, как она коснулась камня.

На запястье вдруг вспыхнуло жжение, а амулет на груди стал тяжелее и теплее обычного — будто от общего напряжения, которое сгустилось вокруг костра. Слишком много несказанного, слишком много желаний, ревности, неловкости, чужих взглядов, недоговорённостей — всё это вдруг стало почти осязаемым.

Настя подняла глаза к лесу.

И похолодела.

Там, над оврагом, поднимался туман. Тёмный, плотный, неестественный. Он не стелился по земле, как обычный вечерний, а тянулся вверх, к лагерю — будто живой. Будто его что-то тянуло: не звук, не движение — что-то другое. В лагере на секунду стало тихо, костёрный гул ослаб, смолкли голоса, затих треск веток — как перед грозой, когда разговоры обрываются сами собой, хотя никто ещё не понял почему.

Настя глянула на Лену и Сергея — они неистово целовались, и их губы двигались в каком-то жадном ритме. Настя моргнула. Но туман не только не исчезал. Наоборот — он приближался. Медленно, но уверенно. Уже выполз из оврага, уже пополз между деревьями. Он двигался в такт этой близости — пульсировал, подаваясь вперёд с каждым их глубоким поцелуем, словно кормился этим жаром.

— Что это? — прошептала она сама себе.

Сердце забилось часто-часто. Десять лет назад она видела такой же тёмный туман. В тот вечер, когда мама...

Настя вскочила на ноги, не отдавая себе отчёта, и схватилась рукой за амулет. Бревно, на котором она сидела, перевернулось с глухим стуком.

— Ай! — вскрикнула Лена.

Поцелуй прервался. Влюблённые резво отстранились друг от друга. Лена поправляла волосы, Сергей оглядывался с лёгкой злостью — кто посмел помешать?

— Ты чего? — удивилась Катя.

Настя не ответила. Она смотрела на лес.

Туман остановился. Прямо у границы лагеря, там, где начинались тёплые отблески костра, он замер. Постоял несколько секунд — и начал медленно отползать назад, в овраг, растворяясь среди деревьев.

— Насть? — Илья подошёл к ней. — Ты чего вскочила? Что-то случилось?

— Там... — Она показала рукой в темноту. — Туман.

Илья всмотрелся. Ему явно стало не по себе, и он непроизвольно сделал шаг назад, подальше от кромки леса, хотя сам не понял почему.

— Да... обычный туман. Вечером всегда сыро.

Настя скептически поджала губы. Обычный туман был бы светлым и не двигался бы так.

— Ага, — нехотя всё же согласилась она, хотя внутри всё дрожало. — Наверное.

Настя опустилась обратно на бревно. Лена и Сергей уже снова обнимались, но как-то тише, без прежней страсти. Лена косилась на Настю с лёгким раздражением.

— Извините, — буркнула Настя.

Лена не ответила, только сильнее прижалась к Сергею.

А Настя опять смотрела на лес — туда, где только что стелился туман. Он отступил именно тогда, когда они перестали целоваться. Именно тогда.

«Глупости, — заверила она себя слишком быстро. — Просто совпадение».

Амулет на груди был тёплым. Она сжала его сквозь футболку.

Завтра придет Артём. Может, хоть с ним всё станет понятнее.

— Я найду тебя, мам, — прошептала она в темноту.

И в тот же миг из леса донеслось что-то — не треск ветки, не шорох. Другое.

Настя застыла, не в силах шевельнуться.

Туман вернулся. Только теперь он стоял у самой кромки света — и ждал.

Глава 3. Первый след

Артём приехал на второй день к вечеру.

Настя услышала стрёкот мотора ещё за километр — старенький «уазик» тархтел где-то за лесом, приближаясь к лагерю. Она выронила лопатку и побежала к дороге, скинув на ходу рабочие перчатки.

Машина вынырнула из-за поворота, подпрыгнула на кочке и замерла прямо на границе лагеря. Дверца распахнулась, и Артём выпрыгнул на землю — в расстёгнутой рубаше с закатанными до локтей рукавами, с влажными от жары волосами. Его руки, сильные и загорелые, привычно перехватили тяжёлый рюкзак из кузова, и Настя вдруг заметила, как перекачиваются мышцы под кожей. Запах бензина и дорожной пыли смешался с его собственным, любимым и знакомым, и у неё на секунду перехватило дыхание. И на миг всё это — камень, видения, тревога — отступило. Мир снова стал простым: дорога, пыль, живой человек рядом.

Из кабины следом вылез пожилой мужчина в кепке, местный фермер, которого Настя пару раз ещё в детстве видела в деревне.

— Дядь Коль, спасибо огромное! — крикнул Артём водителю, выгружая из кузова объёмистый алюминиевый кофр с надёжными замками и отдельным чехлом для кабелей. — Без вас бы я со всей этой аппаратурой не доехал.

— Да ладно, — махнул рукой фермер. — Молодёжи помогать надо. Ты это, если что — заходи, у меня самого внуки по институтам.

Настя уже висела на шее у Артёма, забыв про всё на свете. Она чувствовала, как его ладони — тёплые, чуть шершавые — ложатся ей на спину, блуждают под блузкой, притягивают ближе, и этого оказалось достаточно, чтобы у неё задрожали колени.

— Чокнутая, — пробормотал он в её волосы, прижимая к себе. — Задушишь.

— Сам чокнутый, — ответила она, прижимаясь лицом к его плечу. — Два дня! Два дня тут без тебя... Ты не представляешь, что тут было!

Артём отстранился, заглянул ей в глаза. Настя выглядела взъерошенной, под глазами залегли тени, но она улыбалась так, что у него внутри всё переворачивалось.

— Расскажешь, — сказал он. — Давай только сначала вещи разгружу, а то дядь Коля спешит.

Когда фермер уехал, Артём перетащил контейнер к палатке Насти. Та с любопытством разглядывала аппаратуру.

— Это что, весь твой георадар? — спросила она.

— Основной комплект. Для поля — всё, что нужно. — Артём похлопал по контейнеру. — Между прочим, я специально отпросился с факультетской практики. Сказал научному руководителю, что хочу применить геофизические методы на археологическом объекте истфака. Он идею одобрил — сказал, для курсовой самое то. Так что я теперь тут официально, по заданию физфака.

Настя улыбнулась. Приятно было знать, что он не просто так приехал, а ради неё и её раскопок.

Вечером лагерь гудел новостями. Приехал физик из МГУ, тот самый парень Насти, привёз кучу оборудования, завтра будут обследовать загадочный камень на поляне у маленькой речки — притока Оки.

Илья, который всё это время крутился рядом, стараясь помочь Насте с новыми вещами, заметно скис. Он поглядывал на Артёма с плохо скрываемой ревностью, но держался вежливо и даже вызвался помочь ему подготовить аппаратуру к завтрашнему исследованию.

— Это Илья, — представила его Настя, когда они остались вдвоём. — Тот самый, что нашёл загадочный камень с дрона.

Артём протянул руку и дружелюбно спросил:

— Студент МАИ? Навигация, беспилотники?

— Ага, — буркнул Илья.

— Молодец, — искренне похвалил Артём. — Без тебя мы бы и не узнали. Потом расскажешь, как искал?

Илья немного оттаял, но коситься на Настю не перестал.

Катя-соседка, проходя мимо с кружкой, тихо шепнула Насте: «Смотрю, ты прямо расцвела, как он приехал. Глаза горят». Настя только отмахнулась, но внутри кольнуло приятное — значит, что рядом с ним она становится другой. Ближе к себе. Живее.

*** ** * ** *

Как стемнело, разожгли костёр. Искры уходили в тёмное небо, пахло дымом и влажной травой. Ребята спорили о находке дня.

— Да это просто жертвенные камни, — уверенно заявил кто-то из математиков.

— У славян не было таких жертвенных комплексов, — отрезала Катя-соседка, не поднимая глаз от кружки.

— А если не жертвенный, а астрономический? — предположил Артём, глядя на огонь. — Камни могли стоять по солнцу. Такие календари встречаются в разных культурах. Тот же Стоунхендж в Англии. Никакой мистики.

— Или ловушка, — предположил кто-то из компании. — Наступишь не туда — и проклятие.

Артём хмыкнул, но промолчал. Все засмеялись. Только Настя почему-то не смогла. Она вдруг ясно вспомнила знак на камне и ощутила странное беспокойство, будто кто-то невидимый слушал их разговор из темноты.

Она сидела рядом с Артёмом, прижавшись к его плечу, и чувствовала, как внутри разливается тепло. Настя так устала от этих двух дней одиночества, странных видений и страха при находке камня, что сейчас готова была просто сидеть с любимым и молчать.

Но Артём не дал насладиться тишиной.

— Рассказывай, — сказал он тихо. — Что случилось? И поподробнее.

Настя глубоко вздохнула. И рассказала.

Про камень. Про головокружение у всех, кроме неё. Про видение — древнее капище, жрецов, костёр. Про то, как Илья чуть в обморок не упал...

Она говорила, и с каждым новым словом сама слышала, как всё безумнее звучит её рассказ. Артём слушал, не перебивая, но по тому, как он сжал губы и убрал руку с её плеча, Настя поняла: не поверил.

— Насть, ты двое суток почти не спала, работала на солнцепёке, на адреналине после находки. В таком месте и на таком фоне мозг может дорисовать что угодно. Мистикой это не стоит объяснять.

— Я не выдумываю! — вспыхнула Настя. — Илья и другие тоже это чувствовали. У них голова кружилась!

— Головокружение можно объяснить инфразвуком. Его иногда дают подземные воды, пустоты в грунте или движение почвы на участках с древними тектоническими нарушениями. Инфразвук не слышен, но воздействует мозг. У некоторых людей чувствительность выше — отсюда синхронное головокружение. Или там какой-нибудь газ из болота поднялся — у воды такое бывает.

— Тогда почему у меня не кружилось?

Артём на секунду замаялся.

— Не знаю. Может, у тебя организм выносливее. Или ты просто была сосредоточена на камне и не заметила. Но превращать это в ... в магию... — он подбирал слова, стараясь не

обидеть. — Ты же сама историк. Ты знаешь, как люди веками придумывали легенды, чтобы объяснить то, что не могли понять.

Настя резко отодвинулась, и в её глазах блеснули слёзы обиды.

— Ты мне не веришь.

— Я верю, что ты что-то видела и чувствовала. Но я не верю, что это было сверхъестественное явление. Пока не увижу железобетонных доказательств.

Он взял её за руку, но она не ответила на прикосновение.

— Хорошо, увидишь, — ответила она глухо и отвернулась к огню.

Артём вздохнул, чувствуя, как между ними впервые за долгое время пробежала холодная трещинка.

Но Насте что-то не давало покоя, какая-то деталь, ускользавшая от внимания.

— Знаешь, — наконец произнесла она медленно, уже спокойнее, но всё ещё обиженно, — когда мама исчезла, там, на поляне под косогором, стояли громадные камни-валуны. Большие, в два человеческих роста. В виде круга, как маленький Стоунхендж. Я помню их, видела в тот вечер. И ты должен помнить. Но сейчас, когда мы пришли на раскопки... их нет. Только косогор, поляна под ним, почти пересохшая речка и этот рунический камень, что мы нашли на поляне. А те, в виде круга, — исчезли.

— Может, их растащили? — предположил Артём. — За десять лет мало ли что...

— Нет. — Настя покачала головой. — Я расспрашивала Ивана Петровича. Он сказал, что в восьмидесятых здесь действительно были гигантские валуны, но потом, где-то в 2010-х, после нескольких сильных ливней, склон вроде как ополз, и их затянуло землёй. Говорит, они, видимо, ушли глубоко, почти под русло ручья. Их даже не искали — слишком сложно достать. Но я в эту версию что-то не верю — как столько громадных валунов все разом могли куда-то провалиться?

Артём пожал плечами.

— Оползни случаются. Я читал, что в Норвегии целые скалы съезжали в фьорды. Геология — штука непредсказуемая. Не вижу ничего сверхъестественного.

Она помолчала, глядя на огонь, и вспомнила про странное тепло в запястье, которое не проходит.

— Покажи, — попросил Артём.

Настя закатала рукав рабочей куртки. На внутренней стороне запястья, там, где обычно прощупывают пульс, проступила тонкая светлая линия. Не татуировка, не рисунок — скорее, едва заметный шрам, будто кто-то провёл по коже острой иглой, оставляя след.

Артём осторожно коснулся пальцем. Кожа показалась чуть теплее обычного.

— Странно, — сказал он. — Не ожог и не аллергия. Похоже на... даже не знаю. На пигментацию. Может, ты просто не замечала раньше?

Настя покачала головой.

— Нет. Оно появилось именно после того, как я коснулась камня.

— Совпадение, — мягко, но настойчиво сказал Артём. — Сотни причин могут быть.

— А у тебя самого ничего такого нет? — спросила Настя.

— Вроде нет. — Он закатал рукав, потом другой, показывая чистую кожу. — Но знаешь... когда ты рассказывала, у меня тут на запястье кожа начала сильно чесаться. Как после крапивы. Не мистика, просто... странно. И тревожно. За тебя.

Настя благодарно сжала его руку, хотя обида ещё не прошла.

— Как ты думаешь, это всё не просто так? Мама никогда не полезла бы в неизвестную аномалию без страховки, — тихо добавила Настя. — Никогда. Значит... тогда что-то пошло не так.

Артём помолчал. Внутри него боролись два желания: успокоить её, обнять, сказать, что всё будет хорошо, — и честно предупредить: не уходи в эту мистику, ты тоже потеряешься,

и потеряешь себя. Он был физиком до мозга костей, привык верить в цифры, графики, эксперименты. Но то, как дрожал голос Насти, как она сжимала его руку, как эта странная линия на её запястье пульсировала в такт её сердцу — это было важнее любых формул. И в то же время пугало.

— Да, я не знаю, что это, — честно сказал он после паузы. — И это не похоже на обычную галлюцинацию — хотя, если честно, я бы предпочёл, чтобы это была она. У галлюцинаций есть причина: стресс, усталость, даже низкое давление. А здесь... он запнулся, не желая признавать, — здесь есть объект. Камень. И он странный. Завтра пойдём на поляну. Я возьму георадар, посмотрим, что там под ним. Возможно, внутри пустоты или неоднородности, которые дают такой эффект. Или необычный состав породы — гранит с примесями кварца иногда слабо люминесцирует. И тот Стоунхендж поищем. Объяснение обязательно появится.

— А если не появится?

Артём посмотрел на неё долгим взглядом. В её глазах было что-то странное — не страх, не восторг. Скорее одержимость. Он вспомнил, как она иногда говорила о матери в школьные годы — так же тихо и упрямо. И вдруг в нём укрепилась неприятная мысль: если Настя поверит, что всё это правда... она может уйти в эту мистическую историю слишком глубоко. И он не сможет её оттуда вытащить.

— Настя, — сказал он осторожно. — Давай не будем делать выводов заранее. Просто будем искать дальше. Научным методом.

Она ничего не ответила, только отвернулась к огню.

*** **

Ночь они провели в палатке Насти. Соседка-Катя любезно перебралась в соседнюю к девочкам. Просто лежали рядом, слушая, как за брезентом шумит лес, как где-то далеко ухает сова. Артём гладил её по голове, перебирал спутанные волосы, и Настя чувствовала, как страх отпускает, но обида на его недоверие всё ещё ныла где-то под рёбрами.

— Я так соскучилась, — наконец прошептала она.

— Я тоже.

Он поцеловал её — сначала в висок, потом в щёку, потом в губы. Медленно, нежно, так, что Настя ощутила, как кровь закипела в жилах.

— Артём...

— Тсс.

Она почувствовала, как его рука скользнула по её спине. Но вдруг Настя отстранилась, виновато улыбнувшись:

— Я так вымоталась за эти два дня... Давай просто поспим? Завтра ведь трудный день.

Она не сказала, что в тот момент, когда его рука скользнула ниже, в запястье снова вспыхнуло чужое жжение — совершенно незнакомое, а потому настораживающее.

Он кивнул, пряча улыбку.

— Конечно. Спи.

Она прижалась к нему крепче и провалилась в сон без сновидений.

Артём ещё долго лежал с открытыми глазами, глядя в брезентовый потолок. Рядом тихо дышала Настя — уставшая, но упрямая, готовая верить в сказки. А он ворочался, прокручивая в голове её рассказ. Камень. Рунные знаки. Головокружения. Видение. Всё это не вязалось с физикой, с реальностью. Но он не мог просто взять и согласиться. Слишком многое поставлено на карту: её рассудок, его понимание мира, их будущее. «Завтра всё досконально проверю», — решил он и наконец закрыл глаза.

*** **

Утро встретило их солнцем и суетой.

Настя, едва открыв глаза, побежала к профессору Львову, который уже колдовал над своими полевыми записями.

— Иван Петрович, — выпалила она. — Артём приехал, он привёз георадар! Можно сегодня обследовать камень?

Профессор поднял очки на лоб, оживился.

— Георадар? Это тот ваш физик? Ну-ка, ну-ка, показывайте! Я как раз хотел попросить кого-нибудь из геофизиков, а тут такое везение!

Через час на поляну отправилась небольшая группа: Настя, Артём с георадаром, профессор Львов, Илья с дроном. За ними увязались Катя и трое математиков. Остальные студенты с истфака пошли на раскопки — надо же кому-то работать и грызть гранит науки.

Лена и Сергей тоже пошли, но быстро отстали, увлечённые друг другом.

Поляна встретила их тишиной. Камень лежал на том же месте, наполовину погружённый в грунт. Настя подошла первой, остановилась в паре метров.

— Он... другой, — сказала она тихо.

— В смысле? — не понял Артём.

— Вчера он казался... живым, что ли. А сейчас просто камень.

— Камни не могут быть живыми, — заметил Артём, но без издёвки, скорее устало. — Меняются условия освещения, влажность, твоё собственное состояние.

Артём принялся разворачивать оборудование. Георадар зажужжал, посылая в землю импульсы. На ноутбук побежали линии разрезов.

— Ничего явного... — отчитался он через несколько минут. — Похоже на гранитную глыбу. Но вот что странно: сигнал местами ведёт себя нестабильно. Как будто структура неоднородная, и вовсе не так, как у обычного камня. Может быть, внутри есть пустоты или включения с высокой проводимостью.

— Дай я, — сказала Настя.

Она протянула руку и коснулась камня и рисунков на нём. Тепло под пальцами было чужим. Не таким, как у амулета. Амулет грел — будто защищал. А камень... звал. Как бы узнавал её.

— Так ты только помешаешь аппаратуре, — рассердился Артём, но не успел её остановить.

* * * * *

Мир сорвался.

Та же поляна — да не та. Вдалеке стоял шатёр — и одновременно не стоял: ткань целая, но сквозь неё просвечивало что-то обугленное, как двойная экспозиция на старой плёнке. Земля под ногами была и зелёной, и чёрной разом. Настя не могла понять, которая из двух — настоящая. И от этого незнания по спине пополз липкий, животный страх — хуже, чем если бы всё было просто сожжено. И у камня — фигура. Почти знакомая — настолько, что у Насти оборвалось дыхание. Но стоило присмотреться — расплывалась, как отражение в воде, которую тронули пальцем. И всё же Настя успела почти узнать её. Этого оказалось достаточно, чтобы закричать. Настя дёрнулась — картина дрогнула и всё исчезло.

* * * * *

Настя стояла на коленях, вцепившись в камень, её трясло. Ошарашенный Артём подхватил её, не давая упасть.

— Насть? — голос Артёма прозвучал испуганно, почти срываясь в крик. — Ты меня слышишь?

Она медленно повернула к нему голову. Пауза. Она смотрела на него слишком пристально — как будто не узнавала, а вспоминала, кто перед ней.

— Подожди... — тихо сказала она. — Мы... где?

Он уже открыл рот, чтобы ответить, но она неожиданно добавила, ещё более тихо:

— И... сейчас какой год?

Она сама испугалась этого вопроса, будто услышала его со стороны. Настя глубоко вдохнула, словно вынырнула, и взгляд её наконец сфокусировался.

— Всё нормально... — быстро добавила она, проводя рукой по виску. — Вспомнила. Поляна. Камень. Я... коснулась его. Просто выбило. На мгновение.

Артём помог ей встать и, не отпуская, спросил:

— Ты что-то видела?

Она рассказала. Коротко. Про сгоревший шатёр, мёртвую землю, фигуру. Артём слушал, стиснув зубы.

— Это мог быть короткий срыв восприятия на фоне стресса, — выговорил он чужим голосом, сам себе не веря. — Или какой-то резкий физический эффект, на который так среагировало сознание. Но одно ясно: камень снова выбил тебя из реальности — и снова сразу после прикосновения.

— Ты сам в такое веришь? — спросила Настя, глядя ему в глаза.

— Я хочу верить. Потому что по-другому это объяснить, наверное, невозможно... — он не договорил.

Илья и остальные ошарашенные стояли молча, не зная, что делать. Профессор как будто ошолобенел. Катя-соседка всхлипывала. Даже математики притихли.

Артём не сразу заговорил — только убедившись, что она вернулась полностью.

— Нам надо по-настоящему исследовать этот камень, — решительно заявил Артём. — Увезти в Москву, в лабораторию. Там посмотрим, что это за хрень. Понимаешь, георадар в момент твоего... падения... он выдал какую-то абракадабру, такие показания невозможны для твёрдого тела. Как будто плотность грунта под камнем на секунду упала до нуля. Это физически невозможно. Но я это зафиксировал. И это... — он запнулся, — мне это не нравится.

— На физфаке МГУ? — запинаясь спросил профессор Львов, который до конца ещё не пришёл в себя. — Я подготовлю документы.

Настя подняла заплаканные глаза.

— Спасибо.

Обратно шли молча. Илья нёс контейнер с георадаром. Артём поддерживал Настю, но мысли его были далеко. Он смотрел на неё, на её бледное лицо, на тонкую линию на запястье. Она стала чуть длиннее, чем вчера. Или ему показалось?

*** **

Вечером у костра было тихо. Лена и Сергей сидели обнявшись, но без прежней страсти — новость о повторной аномалии и о странном видении облетела лагерь, и даже они притихли. Математики вполголоса обсуждали, можно ли смоделировать временные провалы на компьютере. Катя-соседка под села к истфakovцу-старшекурснику и положила голову ему на плечо — тот сначала опешил, а потом осторожно обнял её в ответ.

Настя сидела, прижавшись к Артёму, и молчала.

— Я боюсь, — призналась она. — Не только за себя. За нас всех — ведь этот камень воздействует на всех.

— За меня не надо бояться, — сказал он. — Я рядом. И я во всём разберусь. Завтра едем в Москву. Проверим этот камень в лаборатории физфака. Если в нём есть что-то необычное — мы это увидим.

— А если нет?

— Тогда будем искать дальше. Вместе.

Настя прижалась к нему, слушая стук его сердца, и впервые за долгое время позволила себе не думать о том, что будет завтра. Но где-то глубоко внутри уже знала: её путь только начинался.

Артём сидел неподвижно, глядя на догорающие угли, и вдруг поймал себя на том, что смотрит на собственное запястье. На чистой, гладкой коже, в тот самый момент, когда геора-

дар показал аномалию, он почувствовал короткое, почти неуловимое покалывание. Он провёл пальцем по коже — ничего. Показалось. Наверное.

Он уже хотел отвести взгляд, но заметил, что его механические часы — те самые, что достались от отца, — остановились. Стрелки замерли на девяти утра — том самом времени, когда они исследовали камень. Он поднёс их к уху — тишина. Ни щелчка, ни привычного тихого хода.

«Сломались», — подумал он, но внутри шевельнулось холодное, липкое сомнение. Часы шли исправно многие годы. И остановились ровно в тот момент, когда Настя коснулась камня.

Он перевёл взгляд на её запястье. Тонкая светлая линия в отблесках костра, казалось, слабо мерцала.

— Насть, — тихо позвал он, но она уже спала, уткнувшись ему в плечо.

Он не стал её будить. Только крепче прижал к себе и долго смотрел в темноту, пытаясь убедить себя: всё это объяснимо. Физика. Наука.

Внизу, в овраге, тонкая полоска тумана замерла у кромки света — словно почувяла его ложь.

Глава 4. Наблюдатель

Утро после вчерашнего выдалось серым.

Настя проснулась оттого, что Артём ворочался рядом, пытаясь выбраться из спальника, не разбудив её. Не получилось.

— Сколько времени? — спросила она хрипло.

— Восьмой. Спи ещё.

— Ага, сейчас. — Она села, растирая лицо ладонями. Голова была тяжёлой, будто не спала, а мешки таскала. — Ты куда?

— Хочу ещё раз глянуть на тот камень. Свежим взглядом. Без толпы.

Настя хмыкнула:

— Без толпы не получится. Иван Петрович уже, наверное, всех построил.

Она оказалась права. Когда они выбрались из палатки, лагерь бурлил. Профессор Львов расхаживал у стола с планом раскопок, раздавая указания. Катя-соседка сонно жевала бутерброд, Костя пытался настроить спутниковую тарелку, а математики уже спорили о чём-то своём, высоконаучном.

— Настя! Артём! — окликнул их профессор. — Завтракайте быстро и дуйте на поляну с камнем. Там сегодня будет много народу.

— Много народу? — переспросил удивлённый Артём. — Кто ещё?

— Да явился тут один... — Львов досадливо махнул рукой. — Представитель фонда. Говорит, спонсоры наши заинтересовались находкой. Хочет посмотреть.

Настя переглянулась с Артёмом.

— Какого фонда?

— А чёрт его знает. «Наследие» какое-то. Я, честно говоря, первый раз слышу. Но документы вроде в порядке, — Львов почесал затылок. — Ладно, идите. Сами увидите. Объясните ему там всё по этой находке, а мне пока тут надо всё утрясти, я подойду позже.

Они быстро перекусили и направились к той самой поляне. По дороге их догнал Илья с дроном наперевес.

— Тоже туда? — спросил он, косясь на Артёма.

— Ага. Профессор сказал, там какой-то спонсор.

— Я видел, — Илья понизил голос. — Странный тип. Приехал очень рано, один, без сопровождающих, на крутой тачке. И сразу потребовал показать камень.

— И что?

— Да ничего. Вежливый, но... не знаю. Смотрит так, будто видит тебя насквозь, аж мурашки по коже.

Настя почувствовала, как по спине пробежал холодок. На запястье чуть заметно кольнуло.

Поляна под косогором встретила их непривычной тишиной. Даже птицы, казалось, притихли. Туман, который по утрам обычно уже рассеивался, сегодня почему-то держался — тёмными клочьями висел между деревьями, хотя солнце давно поднялось.

Возле камня стоял высокий мужчина в тёмном вельветовом пиджаке, несмотря на июльскую жару. Он не оборачивался, разглядывая рунические знаки в полной тишине.

Настя сделала шаг вперёд, собираясь поздороваться, но мужчина заговорил первым, не поворачиваясь:

— Доброе утро, Анастасия. А также Артём и Илья. Я ждал вас.

Голос был спокойным, глубоким, и от него почему-то захотелось замереть на месте.

Человек медленно обернулся. На долю секунды Насте показалось, что он обернулся чуть раньше, чем начал поворачиваться.

Ему было около тридцати пяти, а может и больше – точный возраст было угадать трудно. Тёмные длинные волосы, гладко зачёсанные назад, внимательные серые глаза, которые, кажется, видели гораздо больше, чем положено обычному человеку. Он чуть заметно улыбнулся — без тени превосходства.

— Меня зовут Даниил. Я представляю фонд «Наследие». Мы занимаемся исследованием аномальных археологических объектов.

— Откуда вы знаете наши имена? — спросил Артём, инстинктивно выдвигаясь вперёд, почти загоразивая Настю плечом.

Даниил посмотрел на него с лёгким интересом.

— О, мне много чего известно, Артём. Например, что вы учитесь на физфаке МГУ, специализируетесь на квантовой физике, но ещё увлекаетесь геофизикой и приехали сюда, чтобы помочь Анастасии исследовать этот камень. — Он перевёл взгляд на Илью. — А вы, Илья, обнаружили камень с помощью беспилотника позавчера днём. И до сих пор не можете забыть, как у вас закружилась голова, когда вы его откапывали.

Илья побелел.

— Откуда... вы следили за нами?

— Нет, — Даниил покачал головой. — Мне не нужно следить. Камни, подобные этому, накапливают следы тех, кто к ним прикасается. Если знаешь, как смотреть — их можно читать.

Он подошёл к каменной глыбе, положил ладонь на шершавую поверхность. На мгновение его лицо стало напряжённым, будто он прислушивался к чему-то внутри себя.

— Да, — сказал он тихо. — Этот кричит громче всех, что я встречал.

— Кричит? — не поняла Настя.

— Это образно. — Даниил убрал руку, и камень, показалось Насте, чуть заметно потемнел.

Даниил посмотрел на неё долгим взглядом. В серых глазах читалась спокойная уверенность, но не более. Он повёл рукой, и Насте показалось, что звуки леса — птицы, ветер, далёкие голоса — исчезли, будто их накрыли невидимым колпаком. В ушах заложило, как при резкой смене высоты. Где-то на краю сознания Настя отметила: звук собственного дыхания на мгновение запаздывает, будто догоняет её с крошечной задержкой.

— Я оглох? — спросил Артём, оглядываясь.

— Нет, это лишь небольшой полог, которым я нас накрыл, чтобы посторонние не слышали, — спокойно ответил Даниил. — То, что я скажу, не для чужих ушей. Илья, конечно, славный парень, но ему не обязательно знать всё.

Илья, уловив что-то в голосе Даниила, молча подхватил дрон и отошёл к краю поляны — делая вид, что ищет лучший угол для съёмки.

— Так вот, этот алтарный камень переполнен магической энергией, — продолжил Даниил. — Он не просто хранит память места. Он удерживает слои времени: прошлое, настоящее и то, что ещё только может случиться.

— Это звучит как машина времени, — резко сказал Артём. — И что ещё за магическая энергия? Это псевдонаука!

— Называйте как хотите. Суть в цене. Такие камни не открываются просто так. Каждый контакт что-то забирает. Чаще всего — память.

Настя вздрогнула. Артём почувствовал это и сжал её руку.

— А вы здесь зачем? — спросила она тихо.

— Я искал этот камень десять лет. С тех пор, как узнал, где твоя мать пропала, — сказал Даниил, незаметно переходя на «ты».

Настя вздрогнула снова.

— Искали? Но он же стоял открыто... пока оползень не сошёл.

— Не совсем. — Даниил покачал головой. — Стояли валуны в круге. А такие камни умеют прятаться. Не физически — они на виду, но для чужого глаза остаются пустышками. Тысячи людей проходили мимо. Даже я.

— Но моя мама... она его увидела.

— Потому что он открылся для неё. — Даниил посмотрел на Настю внимательно. — Твоя мать была носителем большой силы. Камень открывается не для каждого и не всегда — только в определённые дни и только тем, чья сила достаточно велика. Он почувствовал её — и откликнулся. А когда она ушла... закрылся. Оползень только довершил дело.

— И теперь он открылся снова. Для меня?

— Да. Когда ты коснулась его — он узнал в тебе её дочь. Ту же кровь, ту же силу. Если бы ты была слабее — не откликнулся бы.

У Насти перехватило дыхание. В тот же миг амулет на груди полыхнул жаром — глубоким, идущим изнутри. А под кожей запястья, там, где вчера появилась тонкая линия, отозвалось покалывание, словно кто-то невидимый коснулся её пальцами.

Камень в двух метрах, казалось, дрогнул. Но Даниил перехватил её взгляд и кивнул: не показалось.

— Вы хотите сказать... она жива?

— Я этого не знаю, — честно ответил Даниил. — Но этот камень может дать ответы.

— А пока... — Он прервался, чуть заметно усмехнувшись. — К нам гости. Шумные, самодовольные. И совершенно не вовремя.

Он сделал жест рукой, и звуки леса вернулись — птицы, ветер, далёкие голоса. Настя моргнула, чувствуя, как странное напряжение отпускает.

Через минуту из леса донеслись голоса. Громкие, с характерными столичными интонациями.

— О, глядите, люди! А мы уж думали, заблудились окончательно!

Из-за деревьев вышли четверо. Два парня и две девушки, все примерно одного возраста — чуть за двадцать. Одетые не по-походному: дорогие джинсы, модные кроссовки, у девушек — яркие шарфики и солнечные очки, которые они тут же сняли, оглядываясь.

Парень, шедший первым, — высокий, с нагловатой улыбкой и идеальной укладкой, — картинно развёл руками.

— Здравьте всем! Вы, наверное, те самые археологи? Мы проездом, слышали, тут раскопки какие-то легендарные. Ну и решили заглянуть.

— А вы, собственно, кто? — холодно спросил подошедший профессор Львов.

— Ой, простите, не представились! — Парень щёлкнул каблуками, пародируя военную выправку. — Кирилл. МГИМО, четвёртый курс, международная журналистика. А это мои коллеги: Стас, — он кивнул на парня с рюкзаком, который уже достал iPhone и начал снимать панораму, — Кристина, — блондинка с идеальным макияжем кокетливо улыбнулась, — и Лера, — брюнетка чуть более скромная, но с таким же оценивающим взглядом.

— Мы на практику в Китай едем, через Владивосток, — вставил Стас, щёлкая кадры на телефон. — А тут такая оказия — решили сойти с поезда, глянуть на знаменитые раскопки. Прямо как в Индиане Джонсе!

— Это не кино, — буркнул подошедший профессор Львов. — И вообще, посторонним здесь нельзя.

— Да мы ненадолго, — Кристина стрельнула глазами в сторону Артёма. — Просто интересно же. Говорят, у вас тут камень какой-то древний нашли.

— Откуда информация? — удивился профессор.

— Так в соцсетях уже гуляет! — хохотнул Стас. — Местные паблики пишут: «В муромских лесах археологи откопали артефакт возрастом тыщи лет!» Мы и подумали — почему бы не заскочить?

Настя переглянулась с Артёмом. Про камень никто официально не объявлял. Значит, либо утечка, либо...

— Ладно, — Львов устало махнул рукой. — Посмотрели и идите. У нас рабочий процесс.

— Да мы только поближе глянем! — Кирилл уже шагнул в сторону камня, не обращая внимания на профессора.

И вдруг остановился.

Потому что прямо перед ним, откуда ни возьмись, возник Даниил. Он был совершенно спокойным, руки сомкнуты на груди, но от него веяло такой уверенной силой и даже угрозой, что Кирилл непроизвольно отступил на шаг.

— Молодой человек, — сказал Даниил негромко. — Профессор Львов прав. Доступ к объекту строго ограничен. Вы можете понаблюдать с расстояния, но не ближе.

— А вы... — Кирилл попытался вернуть самоуверенность, но голос чуть дрогнул.

— Я тот, кто финансирует эти раскопки. И я не люблю, когда мои распоряжения нарушают.

На мгновение в воздухе повисло напряжение. Кирилл открыл рот, собираясь возразить, но встретился взглядом с Даниилом и почему-то передумал.

— Ладно, — буркнул он. — Мы в лагере подождём. Мы взяли минибас в каршеринг, вещи есть, даже палатка, переночуем тут неподалёку. Вечером у костра посидим, познакомимся поближе?

Он снова посмотрел на Настю, но Настя демонстративно отвернулась к камню.

— Как хотите, — пожал плечами Даниил. — Но предупреждаю: ночью в лесу бывает повсякому.

— Не пугайте, мы взрослые люди, леших и прочие небылицы не боимся, — фыркнула Кристина.

МГИМОшники, громко переговариваясь, отошли к краю поляны. Стас всё же запустил дрон — поменьше, чем у Ильи, но дорогой, — и начал снимать сверху. Но когда дрон на секунду завис над камнем — изображение на экране дёрнулось, и пошло рябью.

— Эй! — крикнул Илья. — Вас же просили здесь не снимать!

— Да ладно, мы высоко и быстро, — отмахнулся Стас, пытаясь восстановить картинку.

Илья хотел возразить, но Даниил положил руку ему на плечо.

— Не трать нервы, — сказал он тихо. — Они уедут завтра утром. А пока присмотри за ними, чтобы они ничего лишнего не наломали.

Потом он снова посмотрел на Настю — уже не как на случайного свидетеля, а как на человека, которого долго искал. Дождавшись, пока Илья уйдёт, Настя с нетерпением спросила снова:

— Так, значит, моя мама... она жива или нет?

— Надо исследовать камень, — ответил Даниил.

— И что вы предлагаете? — спросил Артём, которому не понравилось, как легко Настя принимает объяснения Даниила. Слишком легко.

— Увезти его в Москву. В нашу лабораторию по изучению аномальных явлений. Там доступны методы, с помощью которых можно провести глубокий анализ. Я могу организовать транспорт, документы, всё необходимое. И, если хотите, вы сможете присутствовать при исследованиях.

Настя посмотрела на Артёма. Тот колебался.

— У нас уже есть договорённость с лабораторией на физфаке, — сказал он.

— Прекрасно, — легко согласился Даниил. — Тогда я свяжусь с вашими коллегами, чтобы там присутствовать. Чем больше учёных, тем лучше. А пока идите. Мне нужно ещё поработать с камнем. Настя, вечером, если захотите, поговорим подробнее.

* * * * *

Вечер у костра выдался многолюдным.

МГИМОшники действительно приехали на своём минибасе. Кирилл притащил бутылку марочного виски, Кристина — коробку дорогих конфет. Они вели себя как добрые друзья, но их навязчивость раздражала и даже настораживала.

— Ну расскажите, что за камень? — ныла Кристина. — Мы же никому не скажем.

— Археологическая сенсация! — подхватил Стас, снимая всё на телефон. — Можете потом в соцсетях засветиться, лайков набрать!

— Нам не нужно, — отрезал Костя, который обычно молчал.

Кирилл сел вплотную рядом с Настей, пытаясь завязать разговор, но Артём демонстративно обнял её за плечи. Кирилл усмехнулся, но отстал.

Даниил сидел поодаль, в тени, и, казалось, вообще не присутствовал в компании. Иногда Настя ловила на себе его взгляд — спокойный, изучающий.

Когда совсем стемнело, МГИМОшники начали перешёптываться, и вскоре Кристина и Стас исчезли в темноте.

Когда костёр начал догорать, а народ потихоньку расходиться, профессор Львов поднялся со своего места, поправил очки и прокашлялся:

— Товарищи студенты, прежде чем разбредаться по палаткам, хочу сделать важное объявление. Сегодня ночь на Ивана Купалу. Вода в Оке холодная, течение быстрое, в темноте всякое бывает — к реке я вас не пушу. — Он помолчал. — Да и вообще, в такие ночи... лучше держаться поближе к костру.

Настя почувствовала, как на запястье вспыхнуло жжение — резко, до боли; амулет на груди сразу вслед за этим потяжелел и стал горячее. Она обернулась к лесу. Там, за деревьями, туман стоял плотнее, чем днём.

Кто-то разочарованно вздохнул, но Львов поднял руку:

— Я понимаю, праздник хочется отметить. Посидите ещё у костра, пообщайтесь, помечтайте под звёздами. Это тоже традиция, между прочим. А я, с вашего позволения, поеду в деревню. Снял там домик под штаб — надо отчёты разобрать, да и возраст уже не тот, чтобы в палатке спать, спина не позволяет. — Он усмехнулся. — Так что вы тут без меня, но смотрите, без глупостей. Завтра важный день.

Он пожелал всем спокойной ночи и, слегка прихрамывая, направился к своей старенькой «Ниве», припаркованной у въезда в лагерь. Через минуту мотор затарахтел, фары выхватили из темноты верхушки сосен, и машина скрылась за поворотом.

Лера и Кирилл тоже отошли к микроавтобусу, у которого будущие дипломаты разбили свою палатку, оставив после себя запах виски и пустую бутылку.

— Хоть у кого-то тут романтика намечается, — хмыкнула Катя-соседка, кивнув в сторону леса.

Настя промолчала. Ей было не до чужих романов. Она весь вечер ловила себя на мысли, что хочет подойти к Даниилу, но не решалась. Наконец, когда костёр почти догорел, она решилась.

— Я сейчас, — шепнула она Артёму и встала.

Даниил сидел на поваленном стволе в стороне от всех, глядя на тлеющие угли. Он не обернулся, но когда Настя приблизилась, заговорил первым:

— Ты хотела спросить о чём-то, Анастасия?

— Да. — Она села рядом, на некотором расстоянии. — Вы сказали, что алтарный камень может дать ответы о моей матери. Как это работает? И... как мы его повезём? Он же огромный.

Даниил чуть заметно улыбнулся.

— Разумные вопросы. Камень — не просто артефакт, он — портал в память места. Моя лаборатория оснащена необычным оборудованием, которое позволяет считывать эти слои. Но посмотрим, что удастся узнать на физфаке. Что касается транспортировки... — Он помолчал.

— Я уже заказал подъёмный кран, специальный контейнер и оформляю документы. Завтра с утра всё будет готово. Если вы хотите, можете поехать со мной завтра, когда камень погрузят. Или позже, с Артёмом. Решать вам.

Настя почувствовала, как сердце забилося чаще. Значит, всё серьёзно. Он действительно всё организовал.

— Я поеду с вами, — сказала она твёрдо. — Если можно.

— Конечно. — Даниил кивнул. — Место в машине есть. И Артём, разумеется, тоже может ехать.

— Спасибо, — выдохнула Настя.

Она уже собралась уходить, но задержалась.

— Даниил... вы знали мою мать лично?

Он посмотрел на неё долгим тяжёлым взглядом.

— Да. Одно время мы работали вместе. Она была... удивительным человеком. И очень сильным. Сильнее, чем сама думала.

Затем он помолчал.

— Я должен был её остановить тогда. Не смог, не успел. Может, хотя бы тебе помогу.

— Она чего-то боялась?

— Не найти. Не сделать то, что предназначено. И того, что ты останешься одна.

У Насти защипало в глазах. Она быстро отвернулась.

— Спокойной ночи, — сказала она и пошла к палатке, где её ждал Артём.

Артём издали слушал их разговор, но ему казалось, что эти двое говорят на языке, которого он не понимает. От этого было неуютно.

А Даниил встал, пошёл к своей машине и покинул лагерь, уехав в соседнюю деревню.

Проводив Даниила взглядом, Настя постояла ещё немного, глядя на тлеющие угли. Лагерь затихал. Из палатки математиков доносился приглушённый смех, от микроавтобуса МГИМОшников — тихие голоса и звяканье посуды. Где-то в лесу заухала сова.

Настя вдруг поймала себя на том, что снова трогает запястье. Кожа там была чуть теплее, чем на другой руке, и под пальцами чувствовался слабый, но ровный пульс — её собственный, но какой-то слишком медленный, будто время внутри неё текло иначе. Она отдёрнула руку, но ощущение странной двойственности не прошло: казалось, что она одновременно здесь, у догорающего костра, и там — за лесом на поляне, где камень ждал её с того самого вечера, когда мама шагнула в провал.

Она посмотрела на палатку Лены и Сергея, откуда доносился приглушённый смех, и вдруг отчётливо поняла: если бы не Артём, не его руки, которые держали её сегодня, когда мир плыл перед глазами, — она бы просто тронулась умом. Поверила бы, что это нормально — видеть то, чего нет, и чувствовать то, чему нет объяснения.

Она быстро пошла к своей палатке, где ждал Артём. Изнутри пробивался слабый свет карманного фонарика.

— Залезай, — раздалось из-за полога.

Она нырнула внутрь. Артём сидел, обхватив колени, и смотрел на неё.

— Всё нормально?

— Да. — Настя устроилась рядом, чувствуя, как он тут же накрыл её плечо рукой. В палатке было тесно, тепло, пахло сырой землёй и им.

Она опустила взгляд и увидела его часы. Механические, старые, с зелёным циферблатом — он их почти никогда не снимал. Но сейчас они лежали на рюкзаке, и стрелки показывали без семнадцати двенадцать.

Настя машинально схватила телефон. 23:43.

В тот же миг секундная стрелка на часах дёрнулась, перескочила вперёд, замерла, мелко вибрируя, словно упёрлась во что-то невидимое, — и рванула дальше. Не ровно, а рывками. Минутная стрелка дрогнула следом.

Экран телефона мигнул у неё в руке. Цифры поплыли, распались на светлые полосы и собрались снова: 23:58.

Настя почувствовала это тиканье в собственном запястье — будто кто-то прокрутил время прямо в её венах, обжигая холодом. На один удар сердца ей почудился другой звук — тяжёлый, гулкий, как если бы под землёй, там, на поляне, билось чьё-то огромное сердце.

Она потянулась к часам, но Артём опередил, схватил их и поднёс к уху.

— Что за...

Он резко замолчал, встряхнул их, снова прислушался. Телефон в руке Насти показывал 23:58. Часы — тоже.

— Сломались, что ли, — пробормотал он разочаровано. И вот здесь Настя впервые увидела на его лице не сомнение, а тот же страх, который с самого утра рос в ней самой.

Она выдохнула, прижалась к нему, чувствуя, как его пальцы накрывают её запястье. Жжение под кожей понемногу отпустило, а амулет на груди стал ровно тёплым. Это успокаивало.

— Спи, — сказал Артём, укладывая её голову себе на плечо. — Завтра тяжёлый день.

Она закрыла глаза, чувствуя, как его пальцы гладят её по спине. Часы на рюкзаке снова тикали — ровно, словно ничего не было.

Но когда Артём уснул, Настя снова открыла глаза и посмотрела на циферблат.

Секундная стрелка шла назад.

Глава 5. Ночь Купалы

Когда фары машины Даниила скрылись за поворотом, лагерь выдохнул.

Туман хоть и отступил, но его присутствие ещё чувствовалось — холодком на коже, странной тишиной, в которой даже сверчки молчали. Никому не спалось. Настя опять вышла из палатки, провожая взглядом удаляющиеся огни, и машинально гладила амулет на груди — тот самый, мамин, с едва заметными рунами. Он отзывался ровным, успокаивающим теплом.

— Уехал, — сказал Артём, подходя сзади и обнимая её за плечи. — Странный он всё-таки.

— Он не просто был знаком с моей мамой, — тихо ответила Настя. — За этим что-то скрывается.

— Может, да. А может, и нет. — Артём поцеловал её в макушку. — Пойдём спать? Завтра тяжёлый день. Кран, погрузка...

— Давай.

Они опять забрались в палатку. Застёжка молнии прозвучала в тишине неожиданно громко.

В палатке было темно и душно. Артём лёг на спину, глядя в брезентовый потолок, Настя прильнула к нему, положив голову на плечо. Какое-то время они молчали, слушая, как за стеной лагерь живёт своей жизнью — студенты явно не собирались ложиться спать так рано.

— Слушай, — вдруг сказала Настя. — А ведь сегодня Купала. Совсем из головы вылетело.

— Точно. — Артём усмехнулся. — Иван Петрович не зря предупреждал, чтобы к реке не совались. Сказал, вода холодная, течение быстрое, мало ли что, особенно ночью.

— Да и сил нет куда идти, — зевнула Настя. — Я так вымоталась за эти дни...

— Я тоже. — Он повернулся к ней, и его лицо оказалось совсем близко. — Но спать тоже пока не хочется.

Она почувствовала его дыхание на своих губах и закрыла глаза.

Поцелуй был долгим, тёплым, пахнущим дымом костра и чем-то ещё — тем особым, чем пахнет только Артём. Его ладонь скользнула по её спине, под тонкую ткань футболки, и Настя невольно вздрогнула — не от холода, а от того, как быстро тело откликнулось.

Она прижалась ближе, почти бездумно, чувствуя, как между ними исчезает расстояние. Его пальцы нашли её талию, задержались, сжались чуть сильнее — и в этом было уже не просто тепло, а тихое, нарастающее напряжение.

Мир сузился лишь до этих точек — губ, рук, кожи.

Настя забыла обо всём — о камне, о Данииле, о странных видениях. Амулет на её груди пульсировал — не сам по себе, а будто откликаясь на них. На сбившееся дыхание, на жар кожи, на это нарастающее, почти осязаемое напряжение. С каждым новым толчком он нагревался сильнее, словно втягивал в себя происходящее.

Где-то у края лагеря слышалась возня и смех — Лена и Сергей явно не собирались спать. Лена что-то говорила, тот рычал в ответ, и звуки их возни казались естественной частью ночи.

И в этот момент поленья в костре вдруг треснули громче обычного. Искры взметнулись вверх — резко, словно от порыва ветра, которого на самом деле не было.

Сергей притянул Лену ближе, и она тихо засмеялась в поцелуе. В тот же миг Настя вдруг почувствовала странный толчок — как будто где-то глубоко под землёй что-то откликнулось. Ощущение исчезло так же быстро, как появилось. Она прижалась к Артёму плотнее, ища защиты.

А ещё дальше, у микроавтобуса МГИМОшников, доносились приглушённые стоны и смех — сквозь брезент палатки, потом стихли. Даже из палатки математиков слышался неловкий шёпот, приглушённые смешки — для них это, похоже, было почти чудом.

На долю секунды Насте показалось, что всё вокруг — лагерь, костёр, люди — дышит в одном ритме. Десятки тел, разогретых этой ночью, складываются в единый пульс. Лес наполнился шёпотом, но не людским — своим, древним. Где-то в глубине закрипело дерево, будто кто-то старый потянулся, просыпаясь.

Настя вздрогнула: под кожей на запястье резко вспыхнуло жжение. И почти сразу амулет на груди потяжелел и стал горячее. Резко, почти обжигающе. Она села, тяжело дыша, прижимая ладонь к груди.

— Что? — спросил Артём, всё ещё лежа рядом, не до конца пришедший в себя после близости, с тем ленивым спокойствием, которое приходит сразу после.

— Горячо... — прошептала она. — Очень горячо.

Снаружи донёлся странный звук — не то вой, не то шёпот множества голосов. Настя, натянув футболку, откинула полог и поползла на четвереньках, чтобы выглянуть.

Туман вернулся.

Он был повсюду — тёмно-серый, плотный, неестественный. Он не стелился по земле, а клубился, тянулся вверх, словно живой. В его глубине мелькали тени — неясные, скользкие, сильно смазанные, но иногда похожие на человеческие фигуры, хотя и искажённые, будто сложенные. Это явно были не галлюцинации, и вот это пугало сильнее всего.

Настя вскрикнула.

Из тумана, прямо на границе лагеря, постепенно проступили горящие глаза. Маленькая, по пояс, косматая фигура с осанкой векового дуба. А потом стало понятно, что это старичок с длинной седой бородой, в которой запутались травинки и мелкие веточки. Волосы у него были зелёные, как молодой мох, и торчали в разные стороны. Казалось, его кожа состояла из коры и прелой листвы. А глаза — два зелёных огонька — прямо горели в темноте, но в них не было злости, только жадное, голодное любопытство.

Он принюхивался как изголодавшийся путник у богатого стола. Маленький, сморщенный нос мелко подрагивал, втягивая воздух. Запах страха, запах пота, запах любви, запах секса — он пробовал всё это, облизываясь длинным, неестественно красным языком. Двигался он плавно, но странно — будто тело его не знало усталости и не подчинялось человеческой инерции: замирал без всякого усилия, поворачивался без видимого напряжения, словно был частью самого леса, который умеет быть и неподвижным, и внезапно живым.

— Это... кто?.. — выдохнула Настя.

Слово «леший» всплыло само — из детских сказок, из памяти, — и показалось ей настолько нелепым, что она тут же попыталась от него отмахнуться.

Существо замерло. Его глаза — два зелёных огонька — уставились прямо на неё. Оно не шевелилось, только ноздри раздувались, втягивая воздух. А потом... улыбнулось. Улыбкой, которая не была ни детской, ни взрослой — просто чужой, от которой по спине побежали мурашки.

— Настя! — Артём выполз на четвереньках из палатки следом, и замер. — Что это, или кто это?

— Тише... — прошептала она, не в силах отвести взгляд. — Не двигайся.

Леший сделал шаг вперёд. Его маленькие кривые ножки, обросшие шерстью, ступали по земле совершенно бесшумно. Он обошёл костёр по дуге, держась в тени, и остановился напротив раскладушки, на которой в бесстыдном откровении возились Лена и Сергей. Принюхался. Прислушался. И довольно закивал, как кивают старые деды, услышав что-то приятное.

Насте вдруг стало не по себе: существо словно тянулось не к людям, не к ним самим, а к тому, чем была пропитана эта ночь — к жару, к желанию, к этой странной, почти осязаемой силе секса.

В памяти вдруг, не к месту, всплыл материн голос: «Страсть... может разрушить мир».

— Это... странно, — прошептала Настя. — Он как будто...

Она запнулась, не найдя слов.

— Не знаю. Учюял здесь что-то. В ночь Купалы... Но это какая-то нелепица...

Леший повернул голову, снова посмотрел на неё. В его зелёных глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность — и в то же время предупреждение.

А потом он мелкими шажками засеменял обратно вглубь тумана. Одновременно все вокруг потихоньку угомонились.

Фигура растаяла, туман дрогнул и начал медленно отступать, втягиваясь в лес, будто его сдували обратно. Через пару минут ночь снова стала обычной — тёмной, тихой, уже без той давящей жути.

Настя выдохнула, хотя не замечала, что до сих пор стоит на четвереньках, задерживая дыхание, чтобы не шуметь. Амулет на груди остывал, возвращаясь к обычному, ровному теплу.

Мысль о матери снова вернулась. Все эти годы ей говорили одно и то же: эксперимент, ошибка, несчастный случай. Но Настя никогда не верила в это до конца. Теперь, после сегодняшнего дня и ночи, сомнение стало почти уверенностью. Если камень действительно связан с тем древним капищем из видений... значит, мать могла исчезнуть не просто так.

Настя сжала пальцы. И впервые за много лет поймала себя на чёткой мысли: она обязана узнать, что тогда произошло. А главное — для этого появился реальный шанс.

— Неужели это был леший? — спросил Артём, обнимая её сзади. — Я в это верить отказываюсь.

— Мне тоже это теперь кажется наваждением, — ответила она.

— Страшно?

— Пожалуй, да. — Настя задумалась, вспоминая свои переживания. — Но скорее странно. Он же не сделал ничего плохого. Просто наблюдал. Как будто... как будто проверял.

Она посмотрела на лес. Тот молчал. Ни шороха, ни звука.

— Полезем обратно в палатку, — сказала она. — Завтра тяжёлый день.

Они залезли внутрь и застегнули вход. Долго лежали молча, прислушиваясь к ночи. Но та была пуста.

Только где-то далеко, в самой глубине леса, ухнула сова. И в этом звуке Насте почудился смех.

* * * * *

Утром после Купальской ночи лагерь проснулся поздно.

Лена и Сергей так и остались лежать на своей раскладушке у костра, укрытые одним пледом. Лена сладко и бесстыдно потягивалась, Сергей, шурясь от солнца, шарил рукой в поисках остывшей кружки с чаем. МГИМОшники выползли из автобуса с помятыми лицами и тёмными кругами под глазами.

Математики из палатки выходили по одному, стараясь не встречаться взглядами, и молча рассаживались за столом, делая вид, что ничего не случилось.

Настя сидела у вновь разожжённого костра, глядя на полыхающие дрова и закипающий чайник. Артём принёс ей кружку чая и сел рядом.

— Как ты?

— Нормально. — Она взяла кружку, но не отпила. — Я долго думала о том, что случилось ночью, — сказала Настя.

Она помолчала, глядя в огонь.

— И я не могу это объяснить. Ничем логическим и рациональным.

— То есть?

— То есть мы видели одно и то же. Не тень, не игру света. Существо. — Она сказала это спокойно, но чуть тише. — И мне это не нравится. Потому что я не верю в детские сказки. А ещё больше мне не понравилось, что оно прямо явно подглядывало за утехами нашей самой любвеобильной парочки...

— Подглядыватель-извращенец? — рассмеялся Артём.

— Похоже на то, — согласилась Настя, но улыбка вышла кривой.

А потом он серьёзно добавил:

— Думаешь, это опасно? Могу поставить простейшие датчики движения по периметру. Инфракрасные. — И в его голосе уже не было веселья, только настороженность.

— Не знаю. — Настя покачала головой. — Но мама говорила, что страсть может разрушить мир. Может, она имела в виду не метафору?

Она замолчала, вспоминая фигуру в тумане. Маленького косматого старичка с зелёными глазами. Он не был злым. Но и добрым его тоже назвать было нельзя. Он просто был. И он наблюдал.

— Но что бы это ни было, датчики от него не помогут, — добавила Настя.

— Ладно, забыли датчики. Но надо не забыть, что сегодня приедет кран, — напомнил Артём. — Надо быть готовыми.

— Да. — Настя встала, допила чай. — Пойдём на поляну. Проверим, всё ли в порядке с подъездом к ней и с камнем.

Они пошли по тропинке, оставляя лагерь позади. Лес был тих, только птицы перекликались. Но Настя всё время оглядывалась — ей казалось, что за ними следят. Что из-за каждого дерева на неё смотрят зелёные глаза.

Камень лежал на месте, спокойный и безмолвный. Рунные знаки на нём будто потускнели — словно в самом камне стало меньше того напряжения, которое она чувствовала вчера.

— Всё нормально, — сказал Артём, осмотрев его. — Похоже, ничего не изменилось.

— Изменилось, — тихо ответила Настя. — Похоже, мы все изменились. И лес изменился.

Она провела рукой по шершавой поверхности, и под кожей на запястье коротко кольнуло. А амулет на шее отозвался слабым, узнаваемым теплом.

Где-то в глубине леса мелькнула тень — маленькая, косматая, похожая на старичка. Настя обернулась, но уже никого не увидела.

Только ветер качнул ветви старой ивы. И показалось ей, что ветки эти сложились в подобие улыбки — беззубой, древней, всё понимающей.

Настя поёжилась: с этой ночи лес больше не считал её гостьей.

Он уже считал её шаги — до места, где придётся выбирать: вернуться в Явь — или шагнуть дальше, в глубь времён.

Глава 6. Камень не хочет уйти

Кран приехал ровно в десять — огромный, грязно-жёлтый, он с трудом протиснулся по лесной дороге, задевая ветки сосен. Водитель, молодой парень в промасленной спецовке, долго чесал затылок, глядя на камень.

— Это что, его грузить? — спросил он с сомнением. — Да он же вросший, и стрела крана до него еле-еле дотянется.

— У вас получится, — коротко, но веско заверил Даниил. Он стоял в стороне, опершись на капот своего внедорожника, и, казалось, не собирался вмешиваться в процесс.

Настя вздрогнула, заметив его. Она не слышала, как подъехала его машина. «Сколько он ещё будет появляться из ниоткуда?» — мелькнуло у неё. Даниил выглядел так же, как вчера — тёмный вельветовый пиджак, спокойное лицо. Только глаза чуть прищурены, будто он постоянно всматривается во что-то, невидимое остальным.

Артём стоял рядом с Настей, держа её за руку. После прошлой ночи между ними было то особое молчание, когда слова не нужны. Но он всё равно покосился на Даниила с лёгкой настороженностью.

— Помочь? — спросил Илья, подходя ближе.

— Техника справится, — ответил Даниил, не глядя на него. — А ты лучше проследи, чтобы эти, — он кивнул в сторону лагеря, где маячили фигуры МГИМОшников, — не особо снимали.

Илья, польщённый доверием, расправил плечи и направился к микроавтобусу.

Погрузка превратилась в настоящую битву. Сначала лопнула одна из строп. Крепкая, новая, она разорвалась с сухим треском, будто её перерезали невидимым ножом. Кран дёрнулся, стрела жалобно заскрипела, а камень остался лежать неподвижно. Рабочие отскочили, матерясь.

— Что за чёрт! — заорал крановщик, высовываясь из кабины. — Я ж его почти поднял!

Даниил, стоявший в стороне, сделал шаг вперёд, но тут же остановился, словно наткнулся на невидимую преграду. Его лицо на миг исказилось. Настя видела, как побелели его костяшки.

— Ещё раз, — скомандовал он. — Осторожнее. Он... не хочет уходить. Привязан к этому месту.

Стропы сменили. Крановщик, уже без прежней самоуверенности, снова завёл мотор. Стрела натянулась, камень медленно, нехотя приподнялся над землёй. И тут же у стоящего рядом рабочего хлынула кровь из носа. Он охнул, выронил стропу, схватился за лицо и осел на траву, белый как мел.

— Помогите оттащить его! — крикнул Артём, бросаясь к пострадавшему.

А Настя, вместо того чтобы отшатнуться, сделала шаг вперёд. Её не отпугивала кровь — её пугало другое: почему камень не тронул её? Она стояла ближе всех, но осталась невредимой. «Он узнаёт меня, — подумала она с холодком в груди. — Как вчера, когда я коснулась его».

— Настя, не подходи! Стропы могут сорваться! — крикнул Артём, но она уже замерла в метре от камня, вглядываясь в его поверхность.

Парня оттащили в сторону, кровь никак не останавливалась. Тем временем стрелки приборов в кабине крана бешено завертелились. Кран дёрнулся, но камень уже висел в воздухе.

Настя замерла, глядя на него. Ей казалось, что она слышит гул — низкий, вибрирующий, идущий из самой глубины камня. Или из-под земли? Вокруг внезапно стало тихо. Птицы смолкли все разом. Даже ветер стих, будто природа затаила дыхание.

Камень дрогнул в последний раз, словно вздохнул — и покорно замер в стропях, позволяя себя поднять дальше.

Крановщик, бледный и мокрый от пота, осторожно опустил его на платформу грузовика внутри большого деревянного короба. Руки у него тряслись.

— Никогда такого не видел, — пробормотал он, сплёвывая на землю. — Будто живой.

В этот момент из леса показалась знакомая «Нива». Профессор Львов выбрался из машины, крихтя, подошёл к месту погрузки. Он долго молча смотрел на камень, на платформу, на бледных рабочих, потом перевёл взгляд на Настю.

— Ну что ж, — сказал он наконец, и голос его звучал глухо. — Дело сделано. Я подписал все бумаги на вывоз. Даниил вчера вечером всё оформил как надо. — Он помолчал. — Ты уж там, в Москве, смотри за ним. Это не просто камень. Это часть истории. И, видимо, наша главная находка этого сезона. Только... — он запнулся, глядя на тёмную глыбу. — Поосторожней там. Предчувствие беды у меня...

Он тяжело вздохнул, махнул рукой и, не дожидаясь ответа, пошёл обратно к машине.

— Всё нормально, — шепнул Артём, вытирая грязные руки. — Мы сегодня уже будем в Москве. Там разберёмся.

Наконец короб с камнем заколотили. Даниил подошёл, собственноручно обклеил все его стороны лентой, которую опечатал сургучной печатью с замысловатым знаком. Настя успела разглядеть оттиск: три переплетённые линии, образующие разомкнутый круг. Камень под этой печатью словно затих.

— Документы готовы, — сказал он, подходя к Насте. — Эта машина заказана до Москвы. Предлагаю выезжать прямо сейчас. Я на своей машине, грузовик поедет следом. Вы можете сесть ко мне.

— Спасибо, да, я поеду с вами, — сказала Настя, но в её голосе прозвучало не согласие, а утверждение. Она посмотрела на Артёма. — Ты ведь со мной?

— Конечно. — Он кивнул. — Только вещи заберу.

Илья, уже успевший «проконтролировать» МГИМОшников, подбежал к ним:

— А можно мне?.. Ну, тоже принять участие в исследованиях? Я же тоже участник!

Даниил перевёл на него взгляд. Тот самый взгляд, от которого у Ильи вчера мурашки побежали.

— Но... я же камень нашёл...

— И за это тебе огромное спасибо, — неожиданно мягко ответил Даниил. — Ты уже много сделал, и это важно. Но дальше — то, что люди называют магией. А я у тебя пока силы не вижу.

— Магия? Я не ослышался? — удивился Илья, собираясь возразить.

— Впрочем, ты уже довольно много видел. А твоя помощь может оказаться полезной.

Илья поднял глаза, не веря своей удаче.

— Правда?

— Правда, — усмехнулся Даниил. — Твоя роль в этой истории, кажется, ещё не окончена.

Настя слушала этот разговор и чувствовала, как внутри поднимается холодное раздражение. Даниил решал за Илью. Даниил решал, кому ехать, а кому — нет. Никто не спросил её мнения. А ведь это её мать исчезла здесь. Её камень. Её поиск.

— Вообще-то, это касается и меня тоже, — резко сказала Настя.

Даниил перевёл на неё взгляд.

— Илья поедет не потому, что вы разрешили, — продолжила она, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — А потому что он был тут с самого начала. И потому что это мы нашли камень.

На несколько секунд повисла тишина.

Артём удивлённо посмотрел на неё, словно не ожидал, что она решится на столь резкий разговор. Но Даниил лишь чуть заметно усмехнулся:

— Хорошо. Я не возражаю.

*** **

Перед отъездом Настя забежала в палатку за вещами. Артём уже собирался, быстро. Катя-соседка заглянула внутрь.

— Уже уезжаете? — спросила она с грустью. — А как же мы?

— Мы ненадолго, — соврала Настя, хотя сама не знала, надолго ли. — Вы тут без нас справляйтесь.

— Справимся, — вздохнула Катя. — Только вы возвращайтесь. А то эти мгиошники уже совсем обнаглели. Вчера ночью у костра такое вытворяли... Когда они увлеклись, туман к лагерю начал подползать, как живой. Причём какой-то тёмный. Странно, да?

Настя похолодела. Она вспомнила вчерашнюю ночь. Лешего. Слова матери.

— Может, совпадение... — слишком быстро сказала Настя. Но сама уже не верила. — Вы главное к поляне без нас не ходите, ладно?

— Да мы и не пойдём, — успокоила Катя. — Страшновато как-то, опять падать в обморок вовсе не хочется...

Настя вышла из палатки и нос к носу столкнулась с Кириллом. Тот стоял у входа, явно подслушивал.

— О, отъезжающие! — осклабился он. — А мы слышали, вы камень в Москву везёте. Сенсация, да?

— Не твоё дело, — отрезал Артём, выходя следом.

— Да ладно, я ж по-дружески. Мы тоже скоро уедем. Но перед этим, может, сфоткаемся? У меня Стас классные кадры делает.

Он кивнул на парня, который уже наводил телефон на грузовик.

— Не снимать! — крикнул Илья, подбегая.

— Да ладно, это же для истории, — отмахнулся тот, но телефон убрал.

*** **

Ехали молча. Даниил вёл уверенно — лесная дорога осталась позади, началась трасса. Настя сидела рядом с Артёмом, положив голову ему на плечо. Илья устроился на переднем пассажирском сиденье и через полчаса уснул.

— Даниил, — нарушила она тишину, убедившись, что Илья спит. — Вы говорили, что искали этот камень десять лет. Но как вы узнали о нём? Откуда?

Даниил помолчал, глядя на дорогу. Потом ответил, не оборачиваясь:

— Твоя мать рассказывала мне о нём. За несколько месяцев до того, как... ушла.

Настя вздрогнула.

— Она заранее знала?

— Знала. Она искала его много лет. Изучала древние тексты, расспрашивала старцев, ездила по заброшенным капищам. Она верила, что найдёт самый мощный камень — ключ к чему-то очень важному.

— К чему?

— К другим временам. — Даниил на секунду отвёл взгляд от дороги, посмотрел на Настю. — Она считала, что с его помощью можно закрыть выход тёмных сил. Остановить Морока.

Настя почувствовала, как внутри снова поднимается то знакомое, почти детское чувство, которое не отпускало её все эти годы после исчезновения матери. Если мать действительно верила, что камень способен открыть путь сквозь время — значит, она могла не погибнуть. Значит, всё это время Настя искала не воспоминание. А шанс вернуть её.

— Морока? — переспросил Артём. — Это кто?

— Не кто, а что. Древний бог лжи. Сила, старая как мир. Питается страстью, страхом, жаждой власти и ложью. Искажает реальность: люди перестают видеть правду, верят в иллюзии и сходят с ума. Твоя мать хотела найти способ усмирить эту силу.

— И не успела, — тихо сказала Настя.

— Не успела. — Даниил помолчал. — Или не сумела. Но заплатила слишком дорогую цену.

Они снова замолчали.

*** **

В Москву въехали к вечеру. Мегapolis встретил духотой, запахом выхлопных газов и бесконечными пробками. Настя смотрела на знакомые улицы и чувствовала себя чужой в собственном городе.

— Куда мы едем? — спросил Артём.

— Сразу на физфак МГУ. Я договорился с вашим научным руководителем, Артём. Он предоставит лабораторию для первичного анализа.

— Вы уже? — удивился Артём. — Когда же успели?

— Вчера вечером. — Даниил усмехнулся. — У меня есть свои каналы.

Физфак встретил их гулкой пустотой. Вечернее время, студентов почти нет. Только в одной из лабораторий горел свет. Даниил провёл их через пост охраны (охранник только кивнул, увидев его) и повёл в цокольный этаж.

— Здесь, — сказал он, останавливаясь у массивной двери.

Внутри их ждал пожилой мужчина в очках, с взлохмаченными седыми волосами. Он возился у сложной установки, похожей на переплетение проводов и зеркал.

— Артём! — обрадовался он. — А я уж думал, вы завтра только приедете. Даниил сказал, у вас срочный анализ. Что-то интересное?

— Здравствуйте, профессор, — кивнул Артём. — Это Настя, моя... — он запнулся.

— Подруга. И заказчик исследования, — уверенно сказала Настя, не оставляя места для сомнений и протягивая руку. — Настя, истфак. Камень нашли мы с моей группой.

Профессор пожал ей руку, чуть удивлённый её тоном.

— Федосеев Иван Анатольевич. Ну, показывайте, что там у вас.

Через полчаса, когда грузчики с трудом втащили деревянный короб, камень оказался в центре лаборатории. Огромный, тёмный, он выглядел здесь чужим — среди блестящих приборов, проводов и экранов.

Профессор долго рассматривал его, водил руками по поверхности, что-то бормотал. Потом подключил датчики.

— Интересно... По составу — гранит, но похоже с включениями редкоземельных элементов, которых тут быть не должно. Магнитное поле пульсирует с нерегулярной частотой. Артём, давай-ка запустим спектрометр.

Артём подошёл к установке. Настя замерла в ожидании. Даниил стоял в стороне. Илья уселся на свободный стул.

Прибор зажужжал, замигал. На экране побежали линии.

— Есть сигнал, — сказал Артём. — Но странный... Слои. Спектр показывает разные эпохи происхождения материала. Как будто это не один объект, а несколько наложенных друг на друга.

— Слои, — повторил Даниил. — Время слоями. Я же говорил.

Профессор обернулся к нему:

— Вы хотите сказать, это не просто камень с необычными включениями? Что-то вроде природного накопителя энергии? Теоретически, если предположить, что время нелинейно...

— Допустим, — уклончиво ответил Даниил.

И тут Настя подошла ближе к камню. Амулет на груди отозвался теплом. Она чувствовала, как внутри борется страх и жгучее любопытство.

— Я хочу попробовать сама, — сказала Настя и, не дожидаясь ответа, подошла к камню ближе.

Профессор посмотрел на неё с опаской:

— Мы только начали диагностику. Если вы коснётесь сейчас, это внесёт помехи.

— Я понимаю, — тихо сказала Настя. — Но, когда я касалась его там, на раскопках, ... камень откликнулся. На меня. Может, это и есть то, ради чего мы его сюда привезли?

Она положила ладонь на шершавую поверхность, закрыла глаза. Сосредоточилась на амулете, на его тепле. Попыталась представить, что она — часть камня, что они связаны.

Ничего не произошло.

Никакого видения. Только пустота.

Настя открыла глаза, разочарованно вздохнув.

— Не выходит, — сказала она.

— Потому что ты пытаешься силой, — спокойно ответил Даниил. — А нужно доверием. Камень не подчиняется. Он сотрудничает. Ты должна не требовать, а просить. Как с живым существом.

— Просить? — удивился Артём. — Камень?

— Всё в этом мире имеет душу, Артём, — усмехнулся Даниил. — Просто не всё умеет её проявлять.

Настя снова закрыла глаза. На этот раз она не пыталась вызвать видение. Она просто стояла, чувствуя тепло амулета и холод камня под пальцами. Дышала. Ждала.

И вдруг...

Мелькнула картина. Короткая, почти неуловимая. Подвал. Старые каменные своды. А дальше — огромный зал. И столбы — высокие, грубо вытесанные, похожие на... Настя не сразу поняла на что. А когда поняла, отшатнулась.

— Что? — спросил Артём, подхватывая её. — Что ты увидела?

— Подвал, — прошептала Настя. — Какой-то подвал под старинным зданием. Там столбы... странные. Похожие на...

Она замолчала, не решаясь сказать.

— На фаллосы? — спокойно спросил Даниил.

Настя покраснела. Артём нахмурился.

— Да, — выдохнула Настя, чувствуя, как лицо обдаёт жаром. — Но они были... неправильные. Опутанные жилами, словно живые, и от них пахло не жизнью, а какой-то сладковатой приторностью.

— Что за чушь?

— Не чушь, — возразил Даниил. — Но вот что странно... Камень не должен был этого показать. Что до фаллосов — то это древний символ. Плодородие, сила, жизнь. Но тут искажённый. Извращённый. Это Морок. Его храм.

— Думаю, дело сейчас вовсе не в самом камне, — он помедлил, подбирая слова. — Храм это место силы, хоть и тёмной. И алтарный камень обладает громадной силой. А такие места иногда как будто... связаны между собой. Если одно задеть — может откликнуться другое.

— То есть я увидела этот храм не из-за камня?

— Вероятно, он просто толкнул тебя, — пожал плечами Даниил. — А дальше ты уже сама зацепилась за что-то ещё. А может это Морок тебе подсунул то, что посчитал нужным. По крайней мере... я других объяснений не вижу.

— А откуда вы знаете сам этот храм? — спросила Настя.

— Потому что я годами искал вход в это место. И даже когда нашёл, попасть туда можно было не всегда. — Даниил подошёл к окну, посмотрел на темнеющий город. — Проход туда

связан с подземельями под зданием вашего факультета журналистики МГУ, который напротив Кремля. Там, глубоко под землёй, этот храм был построен задолго до того, как Москва стала Москвой.

Настя вспомнила план подземных коммуникаций, который видела в архиве МГУ. «Закрытый исторический объект». Она тогда не придавала этому значения.

— Храм... той силы? — тихо спросила она, не решаясь произнести имя.

— Да. — Даниил обернулся. — И теперь, когда камень здесь, он начинает воздействовать на время в этом месте. Начинает магически «фонить». А значит, это место почувствуют.

— Кто? — испугалась Настя.

— Я не уверен точно. Но они есть. И они могут прийти за ним. Такие артефакты очень ценны. — Он посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. — Поэтому нам нельзя терять время. Нужно понять, что хранит этот камень, и сделать это раньше, чем они поймут, где он.

В лаборатории повисла тишина. Только приборы тихо гудели.

Илья, который всё это время сидел в углу и, к счастью, пропустил половину разговора, увлечённо разглядывал какой-то старый осциллограф. Но тут его телефон тренькнул. Он посмотрел на экран и побелел.

— Настя... — вскрикнул он дрогнувшим голосом. — Ты это видела?

Она подошла. На экране была страница в соцсети. Фотография — камень во время погрузки, лес, лагерь. Крупным планом — номер машины и логотип транспортной компании. Подпись: «Наша сенсация! Древний артефакт уезжает в Москву! Скоро всё узнаете! Скоро будет в лаборатории!»

Автор — Стас. Тот самый МГИМОшник.

— Чёрт, — выдохнул Артём, увидев кадр.

Настя посмотрела на Даниила. Тот стоял неподвижно, но в глазах его мелькнуло что-то, чего она раньше не видела. Холодная решимость.

— Теперь они легко узнают, где его примерно искать, а вблизи почувствуют его, — сказал он тихо. — Нужно ускориться. Артём, сколько времени нужно, чтобы провести полный анализ?

— Если работать круглосуточно... дня два.

— У нас есть ночь. Максимум завтрашний день. — Даниил посмотрел на Настю. — Я останусь здесь. И вам советую. Возвращаться в лагерь сейчас может быть опаснее, чем быть рядом со мной.

Настя переглянулась с Артёмом. Тот кивнул.

— Мы остаёмся, — сказала она.

Артём подошёл к ней, взял за руку, и Настя почувствовала, как его пальцы сжимаются вокруг её запястья — не больно, а уверенно, будто он хотел убедиться, что она здесь, что никуда не исчезла. Она ответила тем же, и они вместе подошли к окну, за которым медленно гасла Москва.

— Смотри, — вдруг удивлённо сказал Артём, кивнув в сторону камня.

Она проследила за его взглядом и замерла. На тёмной поверхности, там, где ещё минуту назад не было ничего, проступил едва заметный узор. Тонкие, почти невидимые линии переплетались, складываясь в знак, который Настя помнила с детства, с того самого вечера, когда пропала мать. Руна. Та самая — стрела, пронзающая круг.

— Ты это видишь? — спросила она.

— Похоже, это действительно магия, — ответил Артём, и в его голосе не было удивления, только какая-то глухая, тяжёлая тревога.

— Насколько я знаю, он никогда не показывал этого раньше, — сказал Даниил, подходя к камню. — Только тебе. И только сейчас.

Настя потянулась к камню — и остановилась в сантиметре от поверхности, не решаясь коснуться. На мгновение ей показалось, что руна пульсирует — в такт её сердцу. А потом свет погас, оставив на поверхности только тёмный, едва различимый след.

— Что это значит? — спросила она.

— Это значит, что ты смогла до него достучаться, ментально, — ответил Даниил. — На моей памяти раньше никто не мог. Ну кроме твоей матери. И теперь времени у нас ещё меньше, чем я думал.

Глава 7. Руна времени и её цена

За окнами давно стемнело, Москва светилась миллионами огней, но здесь, в цокольном этаже физфака МГУ, время будто остановилось. Где-то мерно гудели трансформаторы, на стеллажах тускло поблескивали приборы, а в центре зала, подсвеченный единственной лампой, стоял ОН.

Камень.

Настя стояла в двух шагах, сжимая в кулаке амулет. Тот отзывался ровным, спокойным теплом, и это тепло казалось ей сейчас единственно правильным ритмом жизни.

— Тогда приступим? — Профессор Федосеев потирал руки, поглядывая то на камень, то на сложную установку, напоминавшую переплетение зеркал, линз и лазерных излучателей. — Я, признаться, за всю карьеру такого не видел. Если ваши догадки верны, Даниил, это перевернёт всё!

Артём стоял рядом с Настей, и его рука, лежащая на её плече, была тёплой и надёжной. Сейчас он смотрел на камень иначе, чем профессор. Уже не как учёный, а как человек, который боится за любимую.

— Ты как? — шепнул он, когда Федосеев отошёл к пульта управления.

— Нормально, — ответила Настя, но голос дрогнул. — Странно всё это. Он будто... ждёт.

— Я рядом, — Артём сжал её плечо. — Что бы ни случилось.

Даниил, всё это время стоявший в тени, молча наблюдал за ними. Настя поймала его взгляд — как обычно спокойный, изучающий. Он чуть заметно кивнул: пора.

— Запускаем рамановское сканирование. Артём, проверь калибровку и магнитный канал.

К камню подвели оптическую головку на штативе. На экранах побежали спектры.

— Запускаю предварительную диагностику, — объявил Артём, садясь за пульт. — Фоновое излучение в норме.

— Подавай импульс, — тихо сказал Даниил.

Артём нажал кнопку.

Тонкий красный луч, почти невидимый, пронзил темноту лаборатории. Он коснулся камня...

Камень засветился изнутри. Ярким, пульсирующим неоновым светом. Руны на его поверхности проступили чётко, будто их только что вырезали, и они двигались — переливались, текли, меняли очертания.

— Боже мой... — выдохнул профессор Федосеев.

Настя не слышала его. Гул установки смешался с древним, ритмичным боем барабанов, а поверх него — шёпот. Множество голосов, повторяющих одно и то же слово на незнакомом языке. Амулет на её груди полыхнул жаром.

*** **

И мир взорвался — лаборатория отступила, пропуская другие времена.

Настя по-прежнему чувствовала холод пола и чьи-то руки рядом, но поверх этого, как сквозь плотное задымлённое стекло, проступила поляна внутри каменного круга. Валуны стояли тесно, выше, чем когда пропала мать, будто ещё не сточенные временем. В центре — алтарный камень, и на нём чаша с огнём: светлым, почти белым, без дыма.

У камня были двое.

Старший — седой, с распущенными волосами и золотым солнцем на груди — стоял у чаши. Чуть в стороне — воин в простой свите, с мечом у пояса; он первым почувствовал чужое присутствие, напрягся, но остался на месте.

Жрец провёл ладонью над огнём, не касаясь. Пламя вытянулось, стало тоньше, и воздух над чашей дрогнул.

Он сразу посмотрел туда, где была Настя.

— Вижу тебя, — сказал он спокойно.

Голос не звучал — он как будто возник прямо у неё в голове.

Настя не могла ответить.

— Ты ещё не здесь, — продолжил жрец. — Только смотришь.

Пламя качнулось в её сторону. Амулет обжёг грудь.

Жрец на мгновение прикрыл глаза, прислушиваясь к чему-то, и тихо добавил:

— Здесь есть след той, кого ты ищешь. Найдёшь, когда придёшь сама.

Воин рядом медленно убрал руку с рукоятки меча.

Жрец больше не говорил. Он просто смотрел — спокойно, как на того, кого давно ждали.

Амулет под ладонью Насти резко нагрелся.

Она дёрнулась.

И всё исчезло.

*** **

Настя лежала на холодном полу лаборатории. Над ней склонились Артём, профессор Федосеев, Даниил. Илья стоял рядом, бледный, с расширенными глазами.

— Настя! Настя, чёрт возьми! — Артём тряс её за плечи. — Ты меня слышишь?! Очнись!

Она открыла глаза — и резко вдохнула, будто вынырнула.

— Подожди... — выдохнула она. — Где... я?

Артём замер.

— В лаборатории. На физфаке. Настя, ты меня видишь?

Она смотрела на него слишком долго. Лицо — растерянное, чужое.

— Я... не понимаю, — тихо сказала она. — Почему я здесь?

Илья тихо выругался. Профессор отступил на шаг.

— Это плохо... — пробормотал он.

— Настя, слушай меня, — быстро сказал Артём, сдерживая голос. — Камень. Установка.

Ты была у установки. Потеряла сознание.

— Камень... — повторила она глухо.

Она сжала амулет так, что побелели пальцы.

— Подождите... не говорите...

Глаза зажмурились. Дыхание сбилось. Секунда. Другая. И вдруг она резко дёрнулась.

— Лазер... — выдохнула она. — Импульс... ты за пультом... камень...

Она открыла глаза — уже осмысленно, но в них стоял страх.

— Вернулось... — почти шёпотом. — На секунду... ничего не было.

Артём не отпустил её руку.

— Ты меня узнаёшь? — спросил он испуганно.

Пауза.

— Артём... — сказала она неуверенно, но уже узнавая. — Да. Просто... не сразу.

Артём медленно выпрямился. Провёл рукой по лицу.

— Ты смотрела на меня... как на чужого, — сказал он глухо. — В прошлый раз ты тоже на мгновение теряла память, но не так сильно.

Он не добавил «мне было страшно». Это и так было ясно.

Тишина стала тяжёлой.

Даниил шагнул ближе, внимательно глядя на неё.

— Первый откат, — сказал он спокойно. — Ты коснулась полотна времени, а это крайне опасно.

Он кивнул на амулет.

— И он тебя удержал.

Настя сглотнула.

— Это не повторится?

— Если пойдёшь дальше — повторится. И даже может быть хуже.

Настя попыталась сесть. Голова кружилась. Она посмотрела на Артёма, и в памяти всплыл тот другой — с кинжалом в руке, с холодным взглядом.

— Ты был там, — выдохнула она. — Нет... не ты. Наверное, кто-то из твоих предков. Воин. Он... почувствовал меня. Насторожился. Но потом... отпустил.

Артём побледнел ещё сильнее.

— Что за ерунда?

— Не ерунда, — отрезал Даниил. — Похоже на прошлое, может, родовая память. Или что-то, что к ней привязано. А у тебя, Артём, действительно сильная кровь. Возможно, даже сильнее, чем мы думали.

— И ещё я кое-что узнала о своей маме... — тихо сказала Настя. — Про её след. Там был жрец, и он сказал, что я найду этот след... когда приду по-настоящему.

— Она... там? — переспросил Даниил тихо, и в его голосе мелькнуло что-то почти благоговейное. — В этом прошлом?

— Не знаю. Мне сказали только про её след... И вообще — я ничего не понимаю, — расплакалась Настя.

Она машинально провела рукой по запястью — и вдруг замерла.

Под кожей проступал знак. Чёткий, светлый, будто выведенный изнутри. Уже не царапина. И не татуировка. А настоящая руна.

Настя медленно повернула руку, проверяя — не исчезнет ли. Не исчезла.

— Это... — тихо сказала она. — Это что ещё такое?

Даниил подошёл ближе. Посмотрел — и на секунду задержался.

— Я этого ждал, только не знал точно — когда, — сказал он негромко.

— Чего ждал? — резко спросил Артём.

Даниил помедлил, всё ещё глядя на знак.

— Это твоя руна. Кровная или как ещё говорят — нательная. Она не появляется просто так. Только когда совпадают возраст, время и сильный толчок, ну и когда силы достаточно — тогда она проступает. И это значит, что твоя магическая сила пробудилась. Появился новый маг.

Профессор Федосеев, который всё это время молчал, наконец подал голос:

— Господи... во что мы ввязались? Это же уже за гранью науки!

— Это за гранью вашей науки, профессор, — поправил Даниил. — Но не за гранью этого мира.

Илья, стоявший в стороне, вдруг вскрикнул и отшатнулся.

— Там! — заорал он, тыча пальцем в угол лаборатории. — Там кто-то есть!

Все обернулись.

В углу, у стены, стоял старый манекен из лаборантской, на котором обычно висели халаты. Сейчас халатов на нём не было. И он смотрел на них — без лица, без глаз, но всем своим существом, так, что становилось не по себе.

Медленно, скрипуче, он отделился от стены и сделал шаг вперёд. Пластиковый торс двигался неестественно, будто его вели чужими руками.

— Это просто манекен... — пролепетал профессор Федосеев, пятясь к пульту. — Он не может...

Истукан сделал ещё шаг. Потом ещё. Он двигался всё быстрее, набирая скорость, и в его пустой голове начало зарождаться свечение — тусклое, болотно-зелёное. Илья машинально стал шарить рукой, ища что-то тяжёлое, чтобы защититься.

— Назад! — крикнул Даниил.

Он выскочил вперёд, вставая с поднятой рукой между манекеном и остальными. Его рука описала в воздухе стремительный знак, и воздух вокруг него загустел, зазвенел от напряжения. Губы зашевелились, творя заклинание на древнем языке, которого в комнате больше никто не понимал.

Манекен дёрнулся, будто наткнулся на невидимую стену. Зелёный свет в его голове полыхнул ярче, и по пластику побежали чёрные трещины. Он сопротивлялся. Он рвался к ним. Он начал биться о невидимую преграду — раз, другой, третий — каждый раз откатываясь назад и снова рвась вперёд, как зверь на привязи.

Профессор медленно осел на стул, непроизвольно крестясь и шепча «нет, нет, это невозможно».

— Именем Прави, я приказываю тебе остановиться! — голос Даниила резанул по ушам, как удар хлыста.

Манекен замер. Постоял несколько секунд, дёрнулся всем корпусом, а потом зелёное свечение в его голове полыхнуло в последний раз — и погасло. Пластик пошёл пузырями, начал плавиться, стекая на пол чёрными липкими каплями. Через минуту от фигуры осталась только бесформенная куча оплавленного материала, от которой разило горелой пластмассой и чем-то горьковато-химическим, напоминавшим старую лабораторию.

Даниил покачнулся. На лице выступила испарина, дыхание сбилось. Он опёрся о стол, восстанавливая силы.

— Что это было? — спросил Артём, провёл рукой по лицу, словно стряхивая что-то лишнее, и прижал к себе трясущуюся Настю. — Какая-то жуткая мистика.

— Это не мистика, а самая настоящая реальность, — ответил Даниил хрипло, — это пришёл Морок. Пока ещё не сам, а через вселение в предметы... Он ещё и не такое может...

— Ладно, — сказал Артём тихо. — Значит, мир действительно устроен совсем не так, как нас учили. Тогда будем играть по этим правилам.

— И думаю, манекен был разведчиком, — добавил Даниил, — они ищут, где именно камень, ведь камень — это возможность перехода. И того, кто его смог открыть. Если бы я промедлил хоть секунду...

Он не договорил, но все и так поняли.

— Но теперь они точно знают, что он здесь, — тихо добавил Даниил, — так что Настя в реальной опасности — она им нужна, чтобы открыть камень.

В лаборатории тишина стала вакуумной. Профессор Федосеев прижимал руки к груди, пытаясь успокоить сердце. Даже Илья перестал дрожать и замер, боясь шелохнуться.

Повисла пауза — такая плотная, что, казалось, воздух можно было резать. Все смотрели на Даниила, но он молчал, словно давая им возможность осознать сказанное.

— Ты своей силой открыла алтарный камень, и теперь вы связаны, — тихо сказал Даниил. — Но за переходы по времени или даже за попытки заглянуть в прошлое, приходится платить. Памятью.

— А дальше? — спросил Артём, не глядя на него. Он смотрел только на Настю. — Если она ещё прикоснётся к камню, что дальше она будет забывать?

— По-разному, но страшнее всего терять то, что дороже всего, — просто ответил Даниил. — Самое важное.

Настя подошла к Артёму и взяла его за руку. Его пальцы были ледяными.

— Я здесь, — сказала она. — Я помню, что люблю тебя. Этого у меня не отнять. Но и ты не покидай меня никогда.

Артём шагнул к ней, обнял, прижал к себе так крепко, будто хотел защитить от всего мира. Она чувствовала, как колотится его сердце, и это было единственное, что держало её в реальности.

— Я буду помнить за нас двоих, — прошептал он ей в волосы. — Что бы ты ни забыла, я буду помнить. Нашу первую встречу, наш первый поцелуй. Всё. Обещаю. И никогда тебя не оставлю.

Илья, всё ещё бледный, решительно подошёл к ним.

— Настя, — сказал он тихо. — После такого... не отступают.

Он посмотрел на них по очереди.

— Уже поздно делать вид, что я тут чисто из любопытства. Так что... я с вами. Делайте, что надо — а я помогу чем смогу.

Настя подняла на него глаза.

— Спасибо. Ты настоящий товарищ.

Даниил повернулся к ним. Он уже пришёл в себя, лицо снова стало непроницаемым.

— Теперь уже действительно не отпустят, — сказал Даниил. — Сначала проверяют. Потом идут по следу. Может быть, сегодня. Может — завтра. Но придут обязательно.

— Что нам делать? — спросил Артём.

— То, для чего мы здесь, — ответил Даниил. — Искать ответы. Камень открылся Насте не просто так. Он показал, куда ушла твоя мать. Значит, она где-то там, в перекрёстках времён. И если мы сможем прочесть эту память до конца...

— То я смогу её найти, — закончила Настя. Она посмотрела на свою новую руну на запястье, на амулет, отзывавшийся ровным теплом. Потом перевела взгляд на Артёма, на его испуганные, но любящие глаза. — Я готова идти дальше. Но только если ты будешь рядом. Иначе я не выдержу.

Артём поцеловал её в губы.

— Мы никуда не денемся. Я с тобой. Всегда. И да — мои поздравления, теперь ты маг, буду называть тебя «моя ведьмочка».

Где-то в здании снова мигнул свет. И на мгновение Насте показалось, что мерцание ламп совпадает с пульсом руны. В мигающем свете по стенам заскользили тени — быстрые, цепкие, словно кто-то невидимый уже знал, кого ищет. Москва снаружи продолжала шуметь, не зная, что в подвале главного университета страны алтарный камень уже сработал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.